

Бронислава
БОНСОВИЧ

— ГЕРЦОГИНЯ В БЕГАХ —
ПРАВО
НА ЭШАФОТ

— Магия, меняющая мир —

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Бронислава Вонсович

**Герцогиня в бегах.
Право на эшафот**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вонсович Б. А.

Герцогиня в бегах. Право на эшафот / Б. А. Вонсович —
«Издательство АСТ», 2022 — (Необыкновенная магия. Шедевры
Рунета)

ISBN 978-5-17-155773-7

Что делать, если платишь за чужие ошибки, да еще с процентами, ведь выгодных договоров с королями не бывает? А в этом так вообще мелким шрифтом прописаны неустойки вроде монастыря, эшафота или того хуже – свадьбы! Более того, женихом оказывается тот, от которого хочется сбежать не оглядываясь. Что остается? Правильно – скрыться. Но что оказывается труднее всего в этой аванюре – сберечь сердце от собственных чувств. Таких противоречивых, да еще к тому, кого ни одно приворотное зелье не берет!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155773-7

© Вонсович Б. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Бронислава Вонсович

Герцогиня в бегах. Право на эшафот

© Б. Вонсович, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

– А тебе завтра отрубят голову, – бодро закончила она. – Согласись, выгодное предложение?

– Не уверена. А возможности заменить казнь нет? На отравление, например?

Разговор меня забавлял, он хотя бы был, пусть и с галлюцинацией. Когда пролежишь полтора месяца пленницей собственного тела без возможности перемолвиться с кем-то хоть словом, будешь рад и вымышленному собеседнику. Мысль, что меня накрыло сумасшествие, не пугала. Лучше сойти с ума, чем испытывать ежедневный ужас оттого, что ты все слышишь и чувствуешь, но не можешь не то что сказать, даже моргнуть самостоятельно. Вердикт врачей был неутешителен: вероятность, что я приду в себя, как они говорили, была нулевой. Моих чувств они не щадили, рубили правду-матку прямо при мне, потому что были уверены, что нет их, этих чувств. И меня нет в этом теле. Но я была, в этом-то и заключался весь ужас моего положения.

Если бы появилась возможность выбора между смертью или жизнью в таком виде, я бы однозначно выбрала смерть. Наверное, поэтому моя галлюцинация и возникла с таким предложением: мы меняемся душами, и меня завтра казнят на плахе на потеху толпе.

– Это почетная смерть, – заявила галлюцинация. – Доступная только дворянам. Иначе меня бы повесили. Чем тебе не нравится отрубание головы?

– Мне кажется, это больно, – сказала доверительно, поражаясь вывертам собственного сознания.

– Не волнуйся, в королевские палачи берут специалистов только высокой квалификации. Отрубят с одного удара, ты почти не почувствуешь боли. Умрешь легко.

– И почему же ты не хочешь такой легкой смерти?

– Потому что я хочу жить, а ты хочешь умереть. – В голосе глюка начало проскакивать раздражение. – Послушай, я знаю немало людей, которые отдали бы всю свою жизнь за один день в теле Сиятельного. Я предлагаю тебе мечту.

– Но не мою.

Странно, собеседницы я не видела, только слышала голос, который звучал отовсюду и ниоткуда. Словно зарождался в моей голове. Да почему словно? Так оно и было. Я схожу с ума, какая удача. Теперь будет с кем поговорить. Невольно хихикнула.

– У меня очень мало времени, – уже не скрывая раздражения, сказала аристократическая галлюцинация. – Поэтому либо ты соглашаешься, либо я ухожу. Только учти, второго такого предложения не получишь. Будешь лежать колодой годы, а то и десятилетия, пока наконец не придет смерть милосердная.

– А тебе что за радость валяться колодой?

– Я валяться не буду. Я маг и знаю подходящие практики. Пара дней – и встану с постели.

– У нас нет магии.

– Если бы у вас не было магии, мы бы с тобой не разговаривали. Более того, ты тоже маг, иначе обмен не состоялся бы. Да что обмен, я бы на тебя никогда не вышла. Твое тело – идеальное вместилище для моей души.

Ее слова неожиданно покорили. Мысль о том, что во мне появится квартирант, оказалась неприятна. Пусть даже этот квартирант – плод моего воображения.

– Оно и мою душу вмещает неплохо.

– То есть ты отказываешься? Тогда прощай.

– Стой! – Испугавшись, что опять останусь наедине с собой, была уже готова пойти на уступки галлюцинации, лишь бы та не исчезла. – Я почти согласна. Скажи, а за что тебя собрались казнить?

Даже в вымышленной реальности нельзя, чтобы преступник избежал отмеренного наказания.

– За попытку отравления короля, – неохотно ответила собеседница. – Неудачную.

– Ты правда хотела его отравить?

– Нет, не хотела, – еще более неохотно ответила она.

– Но если не хотела, то тебя обвинили несправедливо. Можно опротестовать?

– Там все очень сложно. У меня нет времени. Поэтому либо ты соглашаешься и все узнаешь сама, либо не соглашаешься и не узнаешь никогда. Я не преступница, если тебя это беспокоит. Скорее жертва.

– И как я узнаю? – спросила скептически, почти вживаясь в роль будущей переселенки. – Если меня завтра казнят? У меня тоже не будет на это времени.

– Ритуал полного слияния – и тебе будет доступно все, что известно мне. И даже все, что я думала до момента обмена. А мне, соответственно, будет доступно все, что знала ты. Но учти, вместе с этим мы обменяемся клятвами, и ты никогда и никому не сможешь сказать, что ты – это не я. Клятва зеркальная, поэтому я тоже никому не смогу открыться. Обещаю позаботиться о тех, кто тебе дорог, и отмстить тем, кто этого заслуживает.

Последняя фраза была явно ритуальной.

– А если меня не казнят, мы обменяемся вновь?

Меня не отпускала призрачная надежда, что рано или поздно я смогу открыть глаза и покинуть опостылевшую кровать. Возможно, мое подсознание показывает выход?

– Тебя казнят, – не допускающим возражений тоном отрезала галлюцинация.

– А вдруг нет? В жизни всякое бывает. Встанет ваш король с правильной ноги и решит, что за неудачную попытку его убийства наказание слишком жестокое, достаточно ссылки. Что нельзя так бездарно растрачивать дворянский генетический материал. А то кто будет травить его в следующий раз?

– Ты не понимаешь, – с неожиданной горячностью ответила она. – Он не передумает. Это не-воз-мож-но. Но если вдруг тебе удастся избежать плахи, это ничего не изменит. Ритуал привязывает душу к новому телу так, что она уйдет оттуда только с физической смертью. Мы не отыграем назад, даже связаться друг с другом не получится, потому что я вышла на тебя случайно, а вероятность повторения такой случайности очень низка. Так что останешься мной до конца жизни, сколько бы ее ни было отмерено.

– Билет в один конец, – пробормотала я понимающе.

– Прости, что?

– Обратного билета не будет.

– Время. Ты согласна или?..

– Согласна.

Действительно, если уж сходить с ума, то до конца. Так, чтобы жить в вымышленном мире и не слышать ничего из того, что происходит в моем. «Доктор, я буду ходить? Да, но только под себя», – при таких вводных жизнь в реале не кажется желанной.

– Тогда повторяй за мной слово в слово. Только имя ставишь свое. Я, герцогиня Эрилейская, Эстефания Маргарита Эсперанса Эмилия Клаудиа Исабель Лурдес Асунсьон Росарио...

– Я, Мельникова Екатерина Васильевна...

Слова, звучавшие в моей голове, заставляли вибрировать все тело. Неожиданно нахлынула боль, такая, что я бы заорала, если бы могла, но я была не в силах издать даже слабый стон. Зато, едва отзвучало последнее слово, появилась возможность не только говорить, но и двигаться.

Я встала с холодного каменного пола, совсем неиллюзорно неприятно шершавого. Какой-то он слишком реальный для галлюцинации. И слишком грубый. И исчерчен странными знако-незнакомыми символами, на которых я пока не стала заострять внимание.

– Эй, Эстефания Маргарита, как тебя там дальше, ты где?

Не успев договорить, поняла, что герцогиня Эрилейская, Эстефания Маргарита Эсперанса Эмилия Клаудиа Исабель Лурдес Асунсьон Росарио – это теперь все я, весь этот длинный список имен означает всего лишь одну маленькую меня. Последнюю из рода герцогов Эрилейских, которые завтра исчезнут окончательно, если я это позволю.

В голове царил хаос. Я чувствовала себя одновременно и Екатериной, и Эстефанией, и никак не могла отделить одно от другого, найти те знания, которые помогли бы избежать завтрашней смерти, которая теперь казалась очень даже возможной. Посторонний голос пропал. Значило ли это, что меня посетила никакая не галлюцинация и действительно произошел обмен?

Слишком настоящим было все вокруг. Я ущипнула себя и ойкнула от боли. Поднесла к глазам руку, на которой алело пятно от щипка, грозящее перейти в синяк. Тонкую изящную руку аристократки, у которой даже в тюрьме нашлось время на маникюр – ногти были ровные, аккуратно обработанные и покрытые розовым лаком. Память услужливо подсказала, что это работа личной служанки, которая ежедневно, утром и вечером допускалась в камеру. Единственная поправка для титулованной особы, потому что вид камеры оставлял желать лучшего. Где кровать с балдахином из бархата? Где туалетный столик розового дерева с зеркалом на серебряной амальгаме? Где банкетка, покрытая розовым шелком, на которой было так приятно сидеть перед зеркалом, расчесывая длинные золотистые волосы? Ничего подобного не было и в помине.

Да меня нагло обокрали! Чужие воспоминания – это хорошо, но мне-то досталась плохо сбитая койка с соломенным матрасом. И никаких зеркал, что особенно обидно. Потому как по воспоминаниям Эстефания была на редкость красивой особой, что уравнивалось полным отсутствием мозгов. Иначе она не попала бы в такую глупую ловушку. Впрочем, в семнадцать лет иллюзии – болезнь многих.

Тело сковывала усталость, но желание умирать пропало. Желание жить, передавшееся от прежней владелицы тела, оказалось куда сильнее.

Я подняла голову к окошку, забранному частой решеткой. Оно было у самого потолка, и за ним чернела ночь. Или оно было закрыто чем-то непрозрачным, полностью перекрывающим свет. Но скорее всего, сейчас все-таки ночь, и у меня времени аккурат до утра.

Что в активе? Эстефания говорила о магии, но ее знания оказались куцыми. Кроме секретных семейных методик, к которым как раз относилась перепривязка душ, она владела небольшим набором бытовой и косметической магии и парой лечебных заклинаний, одно из которых действительно должно было вывести мое тело из комы там. В моем мире. Появилось осознание, что теперь мой мир этот и, если я не хочу распрощаться еще и с ним, нужно бежать. Подумать о том, что случилось, можно и потом. Способности Эстефании мне не помогут. А мои?

До окна я не доберусь. А если бы и добралась, вряд ли у этого тощего тельца хватит сил выломать хотя бы один стальной прут. Усиливающих заклинаний она не знала, потому что не планировала заниматься вещами, недостойными сиятельной леди. Но если бы и знала, синеватые огоньки на решетке показывали, что та под магической защитой. Значит, окно отпадает.

Дверь? Засов снаружи, до него не дотянуться. Заклинанием? Боюсь, тем вариантом, которым Эстефания подвигала локоны, засов не сдвинешь. От дверей тоже тянуло магией, на один засов тюремщики не полагались.

Пол. На полу магии нет, но... Я с сомнением посмотрела на камни, плотно пригнанные друг к другу, и на свои руки. Нет, я бы попыталась прорыть ход хотя бы до соседней камеры, был бы у меня год в запасе. Но его нет, как нет ничего, чем можно было бы хоть немного расковырять камни. В камере не было даже ложки. Только металлический кувшин с водой.

Размышляя, я старательно затирала вычерченные на полу символы. Незачем кому-то знать, что здесь произошло. Вовремя – не успела уничтожить последний, как дверь распахнулась, впуслав придворного мага, а по совместительству того, кто загнал Эстефанию в ловушку всего лишь пару дней назад.

Уго Бласкес – мерзкая крыса, даже неопрятные пряди длинных сальных волос напоминали крысиные хвосты. Целый пучок крысиных хвостов на голове. Маг вызывал у меня тошноту и страх. Страх у Эстефании, тошноту у меня. Все-таки мужчина, как бы он ни был занят, должен мыться хотя бы раз в неделю, а не дважды в жизни – при рождении и после смерти. Главный придворный маг мытьем не злоупотреблял, наверное, боялся, что испортится или растает, и от него несло так, что я порадовалась, что осталась без ужина.

– Чем это ты тут занималась, Эстефания?

– Извольте ко мне обращаться «ваша светлость».

– И чем же здесь занималась ваша светлость? – издевательски спросил он и цепким взглядом пробежался по камере.

Задержался на полу. Какие символы там изображались, уже не разобрать, но и того, что они там вообще были, тоже не скрыть.

– Неужто пыталась вызвать демона? – хохотнул маг. – Или инкуба? Чтобы вкушать радость плотских утех хотя бы напоследок?

– Пошел вон из моей камеры, – сказала так холодно, что бывшая владелица тела непременно это оценила бы. – Пес смердящий.

– Твоего здесь ничего нет, дура. – Бласкес раздвинул губы в неприятной улыбке. – Да и вообще считай, что у тебя ничего больше нет. Желающие прибрать почти бесхозное герцогство осаждают его величество Теодоро Блистательного со вчерашнего дня.

Титулование было столь забавным, что я расхохоталась. Ситуация к смеху не располагала, но ощущение полного владения собственным телом казалось столь прекрасным, что все остальное отходило на второй план.

– Смейся, смейся, недолго осталось, – проворчал маг. – Тупая курица, даже ритуал как следует провести не смогла, а ведь я дал тебе такую возможность, но нет, профукала. Правильно говорят, что Эрилейские выродились. Не мозги – одна сахарная вата.

Он прошел и взял со стула лежащий там кусок мела. Тот самый, которым рисовались руны, тот, про который Эстефания думала, что утащила из-под носа придворного мага. А оказалось, он сам подсунул. Зачем?

– Меня не учили магии, – напомнила.

– Оно и видно. Все, куколка, встретимся завтра на твоей казни.

Он взмахнул рукой и создал реалистичную иллюзию, почти фильм. Голову красивой блондинистой девушки грубо прижали к колоде, украшенной потеками засохшей крови. В ярких солнечных лучах сверкнул топор. Толпа ахнула.

Маг расхохотался, не дав досмотреть сцену, и ушел. Дверь хлопнула, замки лязгнули, загудела охранная магия. Теперь под заклинаниями были и пол со стенами, что делало побег совершенно невозможным. Это я понимала и как Катя, и как Эстефания, чьи знания о магии получила бонусом при переходе. Куцые знания, никуда не годные. А ведь герцоги Эрилейские всегда славились и силой, и разнообразием применяемых заклинаний.

Осталось понять, зачем Бласкес давал возможность провести ритуал. Что он рассчитывал получить? Не мой же побег? Для этого он слишком сильно меня ненавидел, что проскакивало в каждом слове и движении. И совершенно непонятно почему: Эстефания нигде не переходила ему дорогу, да и не могла бы. Она только-только начала выезжать под патронажем тети, но тетку упекли в монастырь, а Эстефания решила ее спасти, обратившись к королю. Вот и dospасалась до того, что пришлось спастись самой. Она-то выкрутилась, а я?

Широко зевнула. Проблемы казались ненастоящими, не моими, а вот спать хотелось неимоверно, и чем дальше, тем сильнее. Поэтому, еще раз оглядев камеру на предмет хоть маленькой щелочки в защите и ничего не найдя, отправилась спать.

Как говорится, утро вечера мудренее. Даже если это утро моей собственной казни.

Глава 2

Спалось мне не сказать чтобы отлично, и утром я проснулась не сама, а была разбужена горничной. Очень ответственной горничной, которая тормошила меня, повторяя:

– Ваша светлость, вставайте. Вам же умыться и переодеться надо. Негоже, ежели вас такой люди увидят. Позор это.

– Позор – то, что собираются казнить невиновного человека.

Приоткрыла глаза и с интересом разглядывала свою горничную, размышляя, значит ли что-то ее имя – Эсперанса¹ – для моего будущего. Самый простой вариант – предложить денег, чтобы она осталась в камере, а я вышла в ее одежде, – отпадал. И не потому, что мне вспомнились ее рассказы о том, как ее обыскивали до визита к хозяйке и после ухода, а потому, что нас было невозможно перепутать. Эсперанса была выше меня на целую голову, шире в талии и увесистей в груди, а уж мои золотые локоны с ее черным богатством спутал бы только слепой. Хотя по объему они были близки, по цвету – полная противоположность. Да и по характеру носительницы разных шевелюр сильно отличались. Эстефания – сдержанная и холодная, несмотря на возраст, Эсперанса – импульсивная, эмоциональная, не умеющая держать свои мысли в тайне. Нет, теоретически, если бы не обыск, попробовать можно было бы. Уверена, Эсперанса даже согласилась бы привязаться к кровати, а я – попытаться пройти на цыпочках.

– Да разве ж теперь докажете... – сочувственно пробормотала она. – Раньше надо было. Хотя и сегодня, когда вас будет напутствовать священник, скажите ему, не теряйтесь.

Но по ее тону было понятно: не верит, что с эшафота смогу уйти целиком, а не унесут меня по частям: часть на носилках, вторую в корзинке. Эсперанса поставила на табурет тазик с водой, опустила в нее тряпку, отжала и собралась меня обтирать.

– А ванна мне не положена?

– Да откель тут ванна? Скажите спасибо, что таз с водой разрешили пронести. – Она вздохнула. – Хотя весь его обшарили. И вода уже не горячая. Но пока не холодная.

– А завтрак? – Я тоскливо огляделась.

В камере, кроме тазика, прибавилось только роскошное платье, в котором герцогиня должна красиво уйти из жизни. Нет, я иногда мечтала походить в чем-то таком, но не один день, который окажется последним.

– Побойтесь Двуетиного! Какой завтрак перед казнью?

– Плотный. – Теперь вздохнула я. – Понятно. Ни ванны, ни кофе, ни какао, ни даже бокала шампанского не дадут. Король решил на мне сэкономить.

Увы, не досталось мне не только герцогской кровати, но и герцогского завтрака. Кругом обман. Конечно, мне ничего не обещали, но от осознания этого чувство обманутости никуда не делось.

– Не говорите так, ваша светлость, – всполошилась Эсперанса, испуганно оглядываясь на дверь. – Вы же прекрасно знаете, что перед казнью положен пост, чтобы очиститься душой до того, как предстанете перед господом нашим, одной из его ипостасей. Молю, чтобы это была белая. Да и как иначе? Вы и согрешить-то не успели. – Она сделала правой рукой знак, похожий на круг с точкой посередине, и я сразу вспомнила, что это знак благословения. – Вам и без того, ваша светлость, что-то плохое снилось.

– Почему ты так решила?

– Вы кричали во сне: «Поворачивай, Макс!» Никак брата вспомнили...

Брат Эстефании, которого действительно звали Максимилиано, погиб два года назад. Но снился, разумеется, не он. Снилась мне та роковая поездка, после которой мое тело перестало

---

¹ От исп. *esperanza* – надежда (здесь и далее прим. авт.).

меня слушаться. И Макс тоже был оттуда. По словам причитавшей надо мной мамы, он даже не поцарапался, удачно подставив мою сторону, получил условку и уже утешился с другой. Надеюсь, Эстефания прочтет мои воспоминания и воздаст ему по заслугам, если ее план удастся и она встанет с кровати. Согласилась бы я на обмен, зная, что он настоящий и меня действительно казнят? Да, потому что жизнь я любила, но прозябание овощем – не жизнь.

Эсперанса что-то сочувственно щебетала, готовя меня к последнему выходу в свет. Обтерла душистой водой, присыпала волосы каким-то порошком и сразу начала его вычесывать. И то и другое пошло на пользу: первое – коже, второе – волосам. Видимые мне локоны засияли, словно после дорогого шампуня и ополаскивателя. Затем горничная начала сооружать на голове прическу, оголяя шею и заставляя меня невольно думать о том, что этой шее сегодня придется несладко. В воспоминаниях прежней Эстефании я не могла найти ничего, что помогло бы избежать топора палача.

Корсет Эсперанса затянула так, что, если бы мне принесли запоздалый завтрак, я бы не смогла пропихнуть в себя ни кусочка. Что там завтрак – я и дышала-то через раз, и то вполсилы.

– Давай ослабим, – выдохнула.

Выдохи получались куда легче вдохов, поэтому выдыхалось больше, чем попадало в легкие. Следовательно, скоро наступит нехватка кислорода, и я бухнусь в обморок там, где буду стоять. Конечно, я не почувствую, когда меня будут лишать жизни, но хотела бы пробыть в сознании до последнего мига.

– Нельзя, – поджала губы Эсперанса, – вы сегодня должны быть самой красивой. Боженьки, – всхлипнула она, – что же это делается? Вам бы жить и жить... Зачем вам понадобилось травить его величество?

– Я не травила.

– Ваша светлость...

Укоризненно покачав головой, она принялась натягивать и расправлять на мне нежно-голубое платье с вышивкой золотом и жемчугом. Жемчуг был настоящий, а в отношении золота я не была уверена. Эстефания о таких тонкостях не задумывалась, ее нарядами занималась тетя. Та самая, которую сослали в монастырь. А мне, наверное, без разницы. Если бы появился шанс сбежать, вышивку можно было бы спороть и продать. Жемчуг так точно. Да ведь на мне целое состояние!

Эсперанса закончила одевать меня, оглядела и неожиданно расплакалась, горько, с подвываниями и размазыванием слез по лицу. Она любила свою хозяйку, и ей было больно ее терять.

– Я еще не умерла, – напомнила, – не оплакивай меня раньше времени.

– Вы как ваш батюшка, ваша светлость, – горничная шмыгнула носом, – того тоже ничем было не пробить, достойный был человек. Он бы вами гордился.

– Тем, что я отравила короля?

– Тем, как вы держитесь.

Меня держало чувство нереальности происходящего и надежда на то, что мой ангел-хранитель, отлучившийся на время аварии, сейчас непременно реабилитируется. Не могу же я так глупо умереть? Всю жизнь была удачливой особой. До тех пор, пока не связалась с Максом. Видно, мне предоставили выбор: либо удачливость, либо Макс. Явно поставила не на то, но сейчас-то я бы не ошиблась.

Уверена, именно ангел-хранитель должен помочь сбежать. Воображение услужливо показывало закрытую карету, в полу которой я прожигаю дыру имеющимся в памяти глядящим заклинанием. Другого ничего подходящего не вспоминалось, сколько я ни рылась в голове, а это можно усилить и... Мысли о том, что карета будет защищена магически, я от себя отгоняла. В конце концов, это задача ангела-хранителя – подстроить возможность бежать, а уж я-

то не премину ею воспользоваться. Не мог же он допустить, чтобы я не смогла проковырять дырку в днище?

Как оказалось, мог. Потому что для государственных преступников была предусмотрена не карета, а повозка с клеткой, по которой сразу, едва меня в нее завели, заискрились голубоватые огоньки магии. Ко всему этому великолепию еще и охрана прилагалась: четверка на конях и двое в повозке, по обе стороны от клетки. Причем последние глаз с меня не сводили, словно я была не хрупкой девушкой, а злым бандитом, готовым выломать прутья голыми руками и придушить тех, кто воспрепятствует побегу. В таких условиях пол прожигать сложновато, а уж о том, чтобы через прожженную дырку сбежать, и речи не могло быть.

Пришлось делать вид, что я ничего не планировала, и всю дорогу простоять, потому что лавки не было, а садиться на солому, которой было устелено дно повозки... Слишком унижительно даже для меня, а уж герцогское достоинство унижать точно не стоило. В конце концов, суть обмена – дать мне возможность быстро и почти безболезненно умереть. Герцогиня Эрилейская свою часть сделки выполнила, и ее честь не должна пострадать из-за того, что внезапно жизнь мне показалась куда привлекательней смерти.

А жизнь вокруг была ключом, и если это биение отличалось от того, к которому я привыкла, то не людьми и даже не манерой их разговора, а только одеждой. Одежания были непривычными, но прекрасно подходили и яркому солнечному дню, и чистеньким городским улицам с разноцветными домиками. Никакой вони, которая, по мнению ученых-историков, сопровождала нашему Средневековью и должна была сшибать меня с ног, я не чувствовала. Пахло цветами и летней пылью, жаркой и вездесущей. Ехали мы медленно, но вряд ли для того, чтобы я могла насладиться картинами городской жизни, скорее, чтобы все желающие увидели преступницу и поняли, что наказание неотвратимо даже для высших сословий.

– Эй, красotka, я помолюсь за тебя! Лови!

Я вздрогнула, когда в клетку влетел цветок – пышная роза на толстом стебле почти без колючек. Охрана тут же огрела кнутом нахала, длинноволосого смуглого красивого парня, но я уже поймала его подарок и теперь с жадным любопытством рассматривала. Роза была сочного красного цвета и запах распространяла такой же сочный, густой, дурманящий. Неожиданно в голову пришла мысль, что она может быть последним подаренным мне цветком, остальные – только на могилку на кладбище. Я нашла взглядом в толпе бросившего розу и улыбнулась.

– От, лыбится, стерва. И чего лыбится-то? Молитвы читать надо, ко встрече с Двуетным готовиться, – неприязненно заворчала какая-то бабка, – а не заигрывать с мужиками.

– Так, может, невиновна она, – сказала какая-то добросердечная горожанка. – Такая молоденькая...

– По ейной роже видать, что виновна, – убежденно прогундосила бабка. – И что, что молоденькая? Они с рождения порченые. Таких в колыбели давить нужно, чтобы королей не травил.

А ведь Эстефания короля не травил. Всего-навсего подлила приворотного зелья, купленного у придворного мага, к которому направила ее старшая фрейлина. Ненавязчиво этак направила, намеками, что его величество будет куда податливей к просьбам той, в кого влюблен. А чтобы Бласкес продал нужное зелье, пришлось дать магическую клятву, что никому не расскажет ни у кого куплено, ни что за зелье, ни кто направил к придворному магу. Обезопасил, сволоочь, себя и свою сообщницу. Интересно, если бы король отравился, они бы поняли, что заигрались, или это и было их целью? Но он не отравился, сработал артефакт, и получилось, что Эстефания сама оплатила собственную смерть. Недешево, между прочим, нынче обходятся смерти герцогинь, так что придворный маг на ней еще и заработал. Впрочем, обогащение точно не было его конечной целью.

А что было? В придворных играх Эстефания не то что была не сильна, она в них вовсе не разбиралась. Из тех разрозненных кусков, что мне удавалось вытащить из памяти, связной

мозаики не собиралось. Обидно умереть вот так, непонятно за что. Зато выяснилось, что Эстефания действительно не была злодейкой, и я, помогая ей избежать наказания, не иду против совести. Возможно, в моем теле ее жизнь сложится удачней. Во всяком случае, к королю она вряд ли попадет.

Мы выехали на центральную площадь, на ней сиял свежими досками помост. На таких будет видна каждая капля крови, и простолюдины убедятся, что никакая она не голубая у благородных сословий. Впрочем, в этом мире особенностью аристократов была не голубая кровь, а сияние – одно из проявлений магии, но доступное почему-то только старым родам. Что ж, сиять мне осталось недолго, зато это будет ярко.

Повозка остановилась, и мою клетку открыли, предлагая выйти наружу. Медлить не стала, выскочила сразу, даже чуть придерживая себя, чтобы не уронить герцогский престиж излишней торопливостью. Страху не было, потому что происходящее продолжало казаться ненастоящим, вывертом моего сознания, пожелавшего уйти от реальности. А может, потому, что убежать отсюда не получилось бы: помост подпирала толпа жаждущих интересного зрелища.

По ступеням я поднималась с улыбкой, высоко подняв голову и продолжая крутить в руках розу – она ничуть не увяла и радовала нежностью лепестков и ароматом.

Палач уже стоял на помосте, держа или, скорее, держась за огромный топор, на лезвии которого играли солнечные блики. Топор был острым, а руки ката бугрились мышцами. Эстефания права, умру я быстро. Но это почему-то больше не радовало.

Меня подвели к плахе. Лица людей смазывались в одно пятно. В желудке предательски забурчало. А еще я поняла, что хочу одновременно пить и в туалет. Но это от страха. Скоро я уже ничего хотеть не буду. Наверное, мой ангел-хранитель отвернулся от меня насовсем, а с ним ушла и моя удачливость.

Вместо них по ступеням поднимался толстенький улыбчивый священник. Точно, меня же должны напутствовать в жизнь вечную на глазах у публики. Представление пройдет по всем правилам.

– Добрый день, дочь моя, – приветствовал меня священник.

Подъем дался ему нелегко, и голос разрывался тяжелым дыханием, но священник торопился разделаться со своими обязанностями и не дал себе ни минуты отдыха.

– Разве может быть хорошим день, когда собираются казнить невиновного человека? И вы этому потворствуете, святой отец.

– Не упорствуй в отрицании, дочь моя, – он поморщился, – иначе привезут артефакт Истины, и твоя смерть будет не такой легкой, как от руки почтенного королевского палача.

Память услужливо подсказала, что артефакт Истины определяет степень виновности и наказывает в зависимости от нее. Смерть, которую он приносит обманувшим, не только очень мучительна, но агония продолжается долго, иногда несколько дней. Понятно, почему Эстефания выбрала плаху: как ни крути, она подлила королю смертельное зелье. Но я-то ничего не подливала, значит, невиновна и проверку пройду. Ангел-хранитель наконец-то вспомнил обо мне и выдал подсказку.

– Я требую проверки на артефакте Истины, святой отец, – повторила громко, усилив голос магией, и засияла, заставив священника зажмуриться.

Но иначе к моим словам не отнеслись бы серьезно. А так я в своем праве. Праве Сиятельной.

Толпа загудела, обсуждая свалившееся на нее дополнительное представление. Священник же скорчил такую несчастную гримасу, словно я обидела не только его, но и всю церковь в его лице. Дыхание его уже успокоилось, и голос стал мягко-обволакивающим, каким мог быть с самого начала, если бы его владелец не был столь тучен и тороплив.

– Не надо было во всеуслышание заявлять, тогда можно было бы изменить решение. А теперь... Теперь ты сделала свой выбор, дочь моя, – сказал священник, – и уйдешь без церковного благословения. Но я помолюсь за тебя, неразумное дитя, чтобы смерть твоя была недолгой. Я не оставлю тебя один на один с мучениями.

Но вид у него был такой, словно мучиться собирался он, а не я. Да и то сказать, при его комплекции тяжело стоять на жаре непонятно сколько времени. Так-то коротко благословил – и ушел в тенок, попил чего-нибудь холодненького, полюбовался на объявленное зрелище.

Артефакт привезли одновременно с королем. То есть король, конечно, приехал сам, и то, что он появился на огромном балконе здания Правосудия у меня за спиной, стало понятно по раздавшимся восторженным крикам. Наверное, нужно было повернуться и приветствовать его подобающим случаем реверансом. Но вот беда: в памяти не нашлось ни одного реверанса для плахи, поэтому поворачиваться не стала. Все равно он меня не помилует, так зачем проявлять уважение, которого я не чувствую? Он, можно сказать, собрался под корень вырезать цвет нации в моем лице. Женщины такого не прощают даже королям.

На помост внесли огромный артефакт с мутным кристаллом. Эстефании ни разу не приходилось видеть его в действии, но по рассказам она знала, что кристалл загорается либо зеленым – и тогда происходит оправдание, либо красным – и тогда он выбирает замену казни. Мучительную замену, поскольку артефакт был создан в незапамятные времена, когда о гуманных казнях и речи не шло.

Одновременно с артефактом на помост поднялся глашатай и объявил:

– Его величество король Теодоро Блистательный предлагает герцогине Эрилейской отказаться от проверки на артефакте Истины. Он дарует ей возможность отправиться пожизненно в монастырь.

Предложение было бы заманчивым, если бы я не была уверена, что оно исходит от придворного мага и что мне не только не удастся сбежать из монастыря, но и проживу я там недолго, скончавшись от какой-нибудь редкой лихорадки с удавкой на шее. Но даже если ошибаюсь, что за радость от жизни в монастыре? Нет уж, идти – так до конца.

– Я требую проверки на артефакте.

Священник издал горестный вздох. Не верил, что проверка закончится для меня хорошо. Что ж, на его месте я бы тоже не поверила. Тем не менее голос его прозвучал внятно, зычно и наверняка был слышен в самом отдаленном уголке площади.

– Виновны ли вы, ваша светлость, в покушении на его величество Теодоро Второго Блистательного?

– Я не имею отношения к этому покушению ни словом, ни делом, ни даже помыслами, – ответила, тоже усилив голос магией.

– Приложите руку к кристаллу, и да снизойдет на вас милость Двуетьного.

Для этого мне пришлось развернуться к королевской ложе и пройти пару шагов – все было устроено для того, чтобы король смог насладиться зрелищем. Руку я приложила не без трепета – хоть и была уверена в том, что ни в чем не виновата, но человеческий фактор никто не отменял. Мало ли какие усовершенствования мог внести придворный маг, после которых артефакт укажет на виновность любого, кто к нему прикоснется?

Но кристалл под моей рукой зазеленел. Сначала неявно – возможно, сказывались мои сомнения, а потом все ярче и ярче, и под конец он сиял так, что не заметить это было невозможно.

Я подняла голову к королевской ложе и встретила взглядом с королем. Боже, почему в памяти Эстефании не сохранилось, что он такой?.. Такой... В голове закрутились подходящие строчки из песни, с поправкой на пол, разумеется:

Потому что нельзя,

Потому что нельзя,
Потому что нельзя
Быть на свете красивым таким.

Возможно, для семнадцатилетней Эстефании тридцатилетний король казался дряхлым старцем, но для меня он был мужчиной в полном расцвете сил, практически воплощением идеала: высокий, прекрасно сложенный, с лицом, словно вылепленным талантливым скульптором после многочисленных проб и ошибок в достижении совершенства, а потом раскрашенным не менее талантливым живописцем, правда, склонным к мрачным тонам. Черные глаза, чуть выующиеся темные волосы и приятная смуглость, которая бывает только у тех, у кого с солнцем взаимная любовь.

Собственно, при первом же взгляде на него стало понятно желание любой особы женского пола напоить этого индивида приворотным зельем, а еще – что это действие заведомо обречено на провал, потому что короля уже столько раз поили, что у него, несомненно, выработался полнейший иммунитет.

Как жаль, что в комплекте с шикарной внешностью мозги обычно не идут: природа любит равновесие.

Глава 3

Не знаю, остался ли народ доволен изменением в сценарии представления, я – так очень даже, чего нельзя было сказать о моих противниках. Именно так, во множественном числе, потому что разозлился не только Бласкес, едва ли не задымившийся от ярости, но и его величество явственно был недоволен. Быть может, он коллекционирует прекрасные женские головы в заспиртованном виде, и я лишила его жемчужины коллекции? Но мне всегда казалось, что живым все выглядит куда привлекательней, и я в том числе.

Артефакт все сиял, а я стояла на эшафоте, потому что воплей «Невиновна!» оказалось недостаточно, чтобы меня оттуда убрали. Я продолжала смотреть на короля, а он – на меня, и радости в наших взглядах не прибавлялось ни на гран. Наконец его величество гадко скривил губы, что-то коротко сказал, и стоявший рядом с ним придворный бегом ринулся выполнять поручение. Как оказалось, касалось оно меня.

С помоста меня наконец спустили и препроводили в ближайшую гостиницу. Это было хорошим признаком, хотя я бы предпочла, чтобы меня отпустили насовсем, не пытаясь навязать опеку. Думаю, герцогское достоинство не сильно пострадало бы, если бы я пешком дошла до родового особняка, находившегося неподалеку. Но вот то, что меня туда не отвезли, было уже признаком плохим: либо король еще не решил, что со мной делать, либо... мой особняк уже не мой. Мало ли – король подписал указ с передачей почти бесхозного имущества, а к нему – раз – хозяйка вернулась. То-то он был так недоволен: теперь придется переподписывать, отдавая пострадавшей стороне что-то другое, возможно, не бесхозное, а принадлежащее лично королю.

Из-за чужих воспоминаний, слившихся с моими, я ощущала собственность Эрилейских своей, да она и была таковой по сути. По всем законам герцогиня Эрилейская нынче я. И я хотела очутиться в своей комнате и лично полежать на удобном матрасе, потому что чужие воспоминания – совсем не то. А в гостиничном номере матрас был неудобный, это выяснилось, когда я прилегла. А что еще было делать в ожидании непонятно чего? Появившуюся мысль удрать через окно, благо оно выходило на задний двор, а не на площадь, я пресекла в зародыше: неудобно получится, если Блистательный Теодоро решит ко мне заглянуть и никого не найдет. Признаться, хотелось посмотреть на него вблизи и понять, так ли он хорош, как показалось издали. Или причина в королевской магии, прибавляющей любому монарху плюс сто к харизме. К сожалению, сам король вряд ли заглянет лично, скорее, пришлет кого-нибудь из свиты с сообщением, что решил относительно моего будущего. Возможные варианты не радовали: в монастырь к тете не хотелось.

Вместо короля ко мне заглянула горничная и спросила, не нужно ли чего. Мне нужно было много. В частности, снять пыточное приспособление, именуемое корсетом, и принять ванну. Но я ограничилась тем, что попросила принести завтрак. Есть хотелось невыносимо, а принять ванну смогу и дома, если меня туда доставят.

– Что вам подать, ваша светлость?

Она открыла рот, явно собираясь вывалить на меня все меню, поэтому я торопливо сказала:

– Что-нибудь побыстрее. Омлет, булочки и чашку кофе. Умираю с голоду. – И жалобно улыбнулась.

Улыбка подействовала – горничная посмотрела с сочувствием и почти бегом ретировалась. Надеюсь, на кухню, а не докладывать кому не нужно, что у меня вместо чувства вины прорезался аппетит.

Воспользовавшись тем, что осталась одна, подошла к зеркалу. Лицо было знакомым и незнакомым одновременно. Знакомым по воспоминаниям Эстефании и незнакомым для меня.

Девушка, смотревшая из зеркала, была молоденькой до изумления, на восемь лет младше меня прежней. И хорошенькой, как кукла. Огромные голубые глаза, обрамленные длинными, неожиданно для блондинки черными ресницами, смотрели на мир с детским удивлением. Моим удивлением. А как не удивляться? Столько изменений за какие-то сутки. Чувствовать себя другим человеком было странно. Такая особа могла походя вскружить голову мужчине, не прилагая никаких усилий. У мужчин от таких девушек головы кружились сами. Особи противоположного пола, можно сказать, падали, сраженные неземной красотой, и укладывались сами собой в штабеля, чтобы не мешать идти кумиру. И вот на это сокровище нации покусился король? Возможно, у него не совсем традиционная ориентация, и он посчитал Эстефанию соперником? В памяти никаких компрометирующих сведений не нашлось, но это ни о чем не говорило: Эстефания с тетей жили уединенно, сплетни до них почти не доходили, а если и доходили, то в присутствии столь юной особы не всякие расскажешь. А если учесть, что король в его тридцать с хвостиком не женат, хотя мог бы уже подумать о том, что стране нужна королева...

Представила на голове корону и пришла к выводу, что она пришлась бы мне к лицу.

Налюбоваться новой собой я не успела. Горничная быстро вернулась с подносом, уставленным всякой всячиной. Омлет там тоже был. И булочки к кофе. Я могла только поблагодарить ее от всего сердца, потому что денег на чаевые не было. И хотя я готова была расстаться с любой из жемчужин на платье, которое вызывало исключительно отрицательные эмоции, вряд ли девушка приняла бы ее. Наверняка у них запрещается брать чаевые вещами: не дай бог, обвинят в воровстве, доказывая потом, что это подарок. Конечно, здесь есть магические артефакты, но на такую ерунду их использовать не будут.

Пышный омлет таял на языке, даруя невыразимое блаженство. Это тело после ареста кормили всякой дрянью, а тому, которое я отдала по обмену, приходилось еще хуже. Чем его кормили, я могла только догадываться, потому что еда поступала через зонд прямо в желудок. Надеюсь, Эстефании удастся поднять тело. Будет обидно, если окажется, что от обмена выиграла только я. И пусть я об этом никогда не узнаю, все равно хотелось бы верить, что хорошо, пусть и относительно, не только мне.

Нежная, пропитанная маслом и посыпанная сахаром и корицей булочка была так вкусна, что я зажмурилась от удовольствия. Увы, удовольствие было недолгим.

– Что за представление вы устроили, Эстефания?

Голос был красивый, но настолько полон ярости, что я чуть не подавилась кусочком булочки, который от неожиданности проглотила, не дожевав, и он встал комом в горле.

Откашлявшись, присела в реверансе. Вблизи величество выглядел не столь величественно, как издали, потому что был в бешенстве. Но красоту это не умаляло. Красота оставалась при нем независимо от того, с какого расстояния на него смотреть. И яркие чувства ему скорее шли, превращая из бездушной статуи в живого человека.

– Почему вы молчите, Эстефания? Язык проглотили?

– Это немудрено сделать в вашем присутствии, ваше величество.

– Замечательно, язык на месте. А где ответ на мой вопрос?

– Я не устраивала представление, ваше величество. Представление устроили по вашему приказанию. Я всего лишь не хотела умирать ни за что.

Он опустился в кресло, которое стояло напротив места, где я завтракала. Чашка с недопитым кофе манила, но я не могла даже сесть без разрешения, не то что нагло взять чашку.

– Если вы не хотели устраивать представление, потребовали бы проверку раньше.

– Я забыла об этой возможности, ваше величество. – Внешность Эстефании как нельзя лучше подходила для такого ответа. Ресничками хлоп-хлоп, потом глазки в пол и смущенная улыбка. – Вспомнила, когда священник стал грозить карами нераскаявшейся грешнице.

Говорить, что именно священник напомнил про артефакт, не стала, а то еще станется с моего собеседника отыгаться на бедном толстячке. Для его казни даже народ собирать не будут, придушат втихаря. Ему же право на эшафот не положено в отличие от аристократов.

– Вы думаете, я вам поверил? Вы не первая, кто пытался меня отравить, но единственная, кому удалось ускользнуть от расплаты. Кто бы мог подумать, что за внешностью нанда² скрывается ксуорс³.

– Я вас не травила, а вот... – хотела сказать «ваш придворный маг», но поняла, что язык меня не слушается.

Странное дело, клятву давала не я, но она оказалась завязана на тело, а не на душу.

– Вот что, Эстефания? О чем вы хотели сказать?

– Хотела посоветовать вам приглядеться к своему окружению, ваше величество.

Это клятва пропустила. Окружение у монарха большое. Поди догадайся, кого я имею в виду. Он прищурился, наверняка поняв куда больше, чем я сказала, потому что лицо у него стало задумчивое-задумчивое. И это выражение ему необычайно шло. Если бы король молчал, им можно было бы любоваться, как произведением искусства, бесконечно. Увы, молчал он недолго.

– Оставить вас без присмотра я не могу, поэтому выдаю замуж, – заявил он. – В моей свите есть подходящий для вас жених. Граф Нагейт. Контракт уже составляют.

О графе я слышала впервые, в памяти ровным счетом ничего не шлохнулось. Но даже если бы его величество предложил мне себя, я все равно возмутилась бы, несмотря на то что короля в отличие от графа видела аж целых два раза.

– С каких это пор, ваше величество, согласие невесты на брак не требуется?

– Если невеста не достигла возраста дееспособности, за нее решает опекун. – Выглядел он сейчас гадко и уже не казался мне таким красивым. – Поскольку ваша опекунша не может исполнять свои обязанности, за нее решил я.

А также решил, если уж отдал что-то графу, то пусть забирает и ту, кому это принадлежало. Элегантное решение, ничего не скажешь. Но я ему не переходящий приз.

– То есть когда вы собирались отрубить мне голову, то я отвечала за свои действия, а когда зашла речь о моем замужестве, внезапно стала недееспособной? – Я посмотрела на ошарашенное королевское лицо и вежливо добавила: – Ваше величество.

– А вы изменились, Эстефания. – Он прищурился. – Когда мы с вами разговаривали в последний раз, вы напоминали блеющую овечку.

– Я была сражена вашей неземной красотой и не осознавала, что говорю.

– Смотрю, вам удалось оправиться от удара.

– А что делать? Вы были ко мне слишком жестоки и заставили вспомнить, что овечек часто приносят в жертву. Я решила, что этот образ мне не подходит.

Он хмыкнул. То ли одобрительно, то ли нет – кто этих королей разберет? Общение Эстефании с ним ограничилось одним разом, после чего ее отправили на плаху. Мне же с королями общаться вообще не довелось, почему-то не баловали меня монаршие особы визитами, разговорами и другими знаками внимания.

– И тем не менее, Эстефания, вы выйдете замуж по моему решению. От вас требуется только подписать брачный контракт.

– Не буду ничего подписывать, не читая.

– Можете прочесть, – милостиво разрешил он. – Но подписать все равно придется, раз уж вы дееспособны, как мы недавно выяснили.

– А если не подпишу?

---

² *Нанд* – вестник Двуетного, часто изображающийся прекрасной белокурой и голубоглазой девушкой.

³ *Ксуорс* – сверхъестественное существо, олицетворяющее злое начало (в образе человека с рогами, копытами и хвостом).

– За вас это сделаю я. Имею такое право. Свадьба через пару часов. Как раз успеют составить контракт и сообщить графу.

– Вот он обрадуется, – улыбнулась я сладко. – Или он тоже недееспособен? Сколько ему лет, ваше величество? Мне не придется ему читать сказки на ночь?

– От сказок на ночь в вашем исполнении и я бы не отказался, – неожиданно хохотнул король.

Наверняка желая вогнать в краску, он медленно обвел меня взглядом с ног до головы, задержавшись в районе декольте. Не сказать, чтобы там были выдающиеся достоинства, но стыдиться тоже было нечего. А из-за того, что снизу все было безжалостно сдавлено корсетом, грудь казалась больше и аппетитнее, чем была на самом деле.

– Мне считать это предложением руки с вашей стороны? – прошептала, опять затрепетав ресницами. – Тогда я могу хотя бы сесть, ваше величество? А то я сегодня уже настоялась.

– Сесть можете, – милостиво кивнул он, и я сразу воспользовалась его разрешением. – Что касается предложения... Руку предложить не могу, она обещана, а вот кое-что другое, не совсем приличное...

Он подался ко мне через столик, на котором стоял недопитый кофе и лежали недоеденные булочки, которые сейчас привлекали куда больше короля. Можно сказать, манили своей недосыгаемостью. А вот досыгаемость короля начинала тревожить – как оказалось, зуб на меня он имел вовсе не из-за своей ориентации.

– Спасибо, ваше величество, но неприличного не надо, – сладко улыбнулась, – я не запятнаю честь герцогов Эрилейских.

– Полноте, Эстefания, – лениво ухмыльнулся король, – на этой чести уже чистых мест нет, одно маленькое пятнышко ничего не изменит. И почему я с вами не поговорил, а сразу приказал увезти? Упущение... Непозволительное пренебрежение столь красивой особой.

Он протянул ко мне руку, я отшатнулась, чувствуя, как внутри зарождается страх. Почему-то вспомнился древний анекдот.

Главный инквизитор: «Сжечь ведьму!»

Его подчиненные: «Жалко, она такая красивая...»

Главный инквизитор с тяжелым вздохом: «Ладно, но потом все равно сжечь».

И вот это «потом все равно сжечь» так явственно прозвучало в монаршем голосе, что сомнений не осталось: как бы мы ни общались, меня потом все равно ждала плаха. Красота красотой, а королевские обязанности никто не отменял.

– Ваше величество, через сколько, вы сказали, свадьба? А я еще брачный контракт в глаза не видела. Как и жениха.

Я встала из кресла и отошла за его спинку. Король тоже поднялся, цапнул со стола одну из булочек, которую я мысленно уже съела, откусил, одобрительно поиграл бровями и заявил:

– Контракт сейчас принесут. Жениха увидите на свадьбе. Ждать недолго.

И ушел. А я поняла, что столь скоропалительная свадьба для меня будет уже перебором. Не выдержит моя нежная психика казнь и свадьбу в один день.

Взяв чашку, подошла к окну, выглянула. Второй этаж. Внизу никого нет, и калитка приоткрыта. Я бы сказала, приглашающе приоткрыта.

От размышлений отвлек стук в дверь. Служащий принес мой экземпляр брачного контракта. Я поблагодарила, задвинула засов и вернулась к окну. Контракт сложила и сунула в единственно доступный мне сейчас тайник – декольте. Почитаю на досуге, когда окажусь в безопасности.

Из занавесок и одеяла получился вполне приличный канат, которым я и воспользовалась, спускаясь так, чтобы не засветиться в окне ниже. Самое смешное, что мне это удалось, хотя спуск в развевающейся юбке, которая путалась, всячески мешая, – то еще удовольствие.

Очутившись на земле, целеустремленно бросилась к калитке. Куда бежать, я пока не думала, главное – подальше отсюда.

– Эй, красotka, я же говорил, что помолюсь. Как видишь, мои молитвы доходят до самого бога.

Глава 4

Давешний даритель розы перегораживал дорогу к свободе, что в моих глазах делало его намного менее симпатичным. Хотя, на беспристрастный взгляд, несмотря на некоторую наглость – или благодаря ей? – он был хорош: лет двадцати пяти, с пышной шапкой вьющихся, почти черных волос и пронзительно-синими глазами. Одежда его, вопреки простоте, выглядела дорого, а перстень на безымянном пальце был не просто украшением. Как и серьга в ухе, придававшая ему сходство с пиратом. Не настоящим, нет, а таким киношным, романтическим пиратом, который восстанавливает справедливость.

Задний двор гостиницы выходил на улицу совершенно пустую, даже не скажешь, что с другой стороны, на площади, кипит жизнь. Но эта пустота ничего не стоила при ненужном наблюдателе.

– Тогда обратитесь к нему еще раз с просьбой помочь мне убежать.

– Зачем? – удивился он. – Голову тебе рубить никто не собирается.

– Вам, – поправила, вовремя вспомнив, что я герцогиня. – Обращение «ваша светлость» можете, так и быть, опускать. Ведь именно ваша помощь оказалась так кстати.

Чтобы притупить бдительность собеседника, я улыбнулась. Он расплылся в улыбке в ответ и легко согласился:

– Вам так вам. Так убежать теперь зачем? Смерть вам уже не грозит.

– Зато грозит замужество. Его величество намеревается выдать меня замуж через несколько часов. А вот что вы тут делаете?

– Надеялся увидеть вас еще раз, – ответил не моргнув глазом. – Не каждый день после моей молитвы приговоренного полностью оправдывают. Признаться, вы необыкновенно хороши были с розой в руках. Где вы ее потеряли?

Я пожала плечами. Кажется, оставила в гостиничном номере. С эшафота уходила с цветком, но потом меня отвлекли завтрак и беседа с королем. Так что роза – единственный трофей, который достанется пришедшим выдавать меня замуж. Если я потороплюсь отсюда убраться, разумеется. Иначе пойду в комплекте с розой.

– Вы не подскажете, где я смогу обменять свой наряд на платье попроще и некоторую сумму денег?

Он осмотрел меня, но сказал совсем не то, что я хотела услышать:

– А что, жених так страшен, что вы предпочитаете удрать в неизвестность, лишь бы не идти с ним в храм?

Похоже, пользы от данного типа никакой, только и умеет, что болтать. Но поболтать можно и в другом месте. Если останусь стоять, меня найдут и второй раз удрать не дадут. Поэтому я шагнула вперед, но, так как тип пристроился рядом и смотрел выжидательно, пришлось ответить:

– Понятия не имею. Я его не видела и о нем ровным счетом ничего не слышала. Согласитесь, это достаточная причина не хотеть за него выходить.

– А как зовут жениха, тоже не знаете?

– Граф Нагейт.

– Не так уж он и страшен, – хохотнул мой собеседник.

– Только не говорите, что это вы.

– Я? О нет, что вы. – Он рассмеялся, заблестев белоснежными зубами, казалось, на всю улицу. – Нет мне прощения, я не представился. Маркиз де Гренина, граф Дарок, но для вас просто Диего, прекраснейшая.

Я уверенно двигалась в сторону, противоположную центральной площади, но пока не заметила ничего похожего на лавку, в которой можно было бы обменять платье на деньги и

что-то попроще. Зато на улице прибавилось прохожих, которые с интересом пялились на нас, но подходить не рисковали.

– Тогда он ваш старший брат? – предположила.

– Всего лишь хороший знакомый отца.

– Знакомый отца? И какой мне толк от мужа, из которого уже сыплется песок?

– Не преувеличивайте, Эстефания. Могу я вас так называть? – После моего кивка он продолжил: – Графу Нагейту до посыпания дорожек еще далеко. Ему всего лишь тридцать семь.

– Тридцать семь? – воскликнула я с ужасом, которого не испытывала, но должна была испытывать Эстефания. – Да он еще старше короля!

– Вы так говорите, словно его величеству пора на кладбище, – ехидно отозвался Диего.

– На кладбище, может, и не пора, но уютное место под могилку присматривать стоит. Подданные, знаете ли, так и норовят похоронить где попало, а покойникам нужно уединение. И возраст у него уже такой, что время подумать о вечном. Заказать усыпальницу на свой вкус, а не на вкус наследников.

– Не нравится вам наш король, Эстефания?

– А вам бы понравился тот, кто собирался без вины отрубить вам голову?

– Так уж без вины?

– Я его не травила, – ответила уверенно, – кроме меня, там еще предостаточно подозреваемых. Во дворце толпа слуг. А фрейлины при королеве-матери? Так почему я? Как самая удобная? Раз – и с Эрилейскими покончено одним взмахом топора. Не этого ли добивался его величество?

Диего выглядел не возмущенным моей непочтительностью к монарху, а удивленным. Как выяснилось, у него были на то основания.

– Ни слуги, ни фрейлины, ни вообще все, кто постоянно допущен ко дворцу, не могут навредить королю. Они же под клятвой. Неужели вы это забыли, Эстефания?

– Это прямо они не могут. А оставить где-то яд – вполне.

– Вы еще скажите, что Теодоро Второй взял этот яд и отравил себя сам.

– А почему нет? Он же не отравился? – Я была сама невозмутимость.

Странное дело, клятва помешала мерзкому Бласкесу отравить короля лично, но не помешала подсунуть яд мне. Конечно, существовал вариант, что он действовал в стоворе с королем и целью было как раз устранение последней герцогини Эрилейской. Но мне показалось, что наш блистательный король был уверен, что именно я на него покушалась. Хотя за столько лет он мог научиться безупречному лицедейству.

– Да с вами страшно разговаривать. Того и гляди обвинят в государственной измене, – заметил Диего.

– Так и не разговаривайте. Покажите, где я могу продать это платье и купить другое, и можете быть свободны. – Я величаво кивнула, надеясь, что таким поведением честь герцогов Эрилейских не опозорю.

Правда, если верить блистательному величеству, чести этой было не так чтобы уж очень много – слишком уж характерный пассаж про запятнанность. Но в памяти ничего подобного не находилось, там предки Эстефании сияли, словно бриллианты в королевской короне.

– То есть вы точно намерены бежать? – удивился Диего. – Но куда?

– Не знаю, пока не решила. Главное, подальше отсюда.

Эстефания могла посоветоваться только с тетей. Я же... На меня внезапно нахлынуло осознание, что я никогда больше не увижу близких людей: маму, сестру с племянкой и двух замечательных подруг, которых мне подарила судьба, – Карину и Аню. Отец умер год назад, и на его могилу я тоже никогда не приду. Разве что Эстефания, если поймет, насколько важным для меня было это место...

– Эй, что случилось? – испуганно подскочил ко мне Диего. – Эстефания, только падать в обморок не надо, ладно?

– И не собираюсь. – Выдавила улыбку. – Не надейтесь, что вам придется меня ловить. Я не из тех, что падает в обморок на подвернувшегося кавалера.

– Может, вы не из тех, но по цвету лица сейчас сравнялись со стеной дома, рядом с которым мы стоим.

– Это все корсет. Слишком туго зашнурован.

– Расшнуровать?

– Чувствуется опыт, – съехидничала. – А зашнуровывать-то вы умеете?

Так, не думать о семье, собраться и не думать. Страдать буду потом, когда уберусь подальше из опасной зоны. Я попыталась вдохнуть побольше воздуха, в очередной раз помянула недобрым словом Эсперансу и двинулась дальше по улице.

– Однако. – Диего задумчиво потер пальцем нос. – Да у вас язычок, милая герцогиня, остренький, как бритва.

Вокруг замерцала переливающаяся сфера, и нас волшебным образом перестали замечать. Никто больше на меня не пялился и не указывал пальцем, и это радовало. Не радовало, что я ничего не заметила и не почувствовала, когда мой спутник применил магию. Этак он и на меня воздействует. Из лучших побуждений или симпатии к моему жениху, чтоб тот по дороге где-нибудь потерялся. В конце концов, может же быть так, что граф тоже не захочет жениться на взбалмошной малолетке, да еще так скоропалительно?

– А что делать, если осталась одна-одинешенька? – притворно вздохнула. – Защищаюсь как могу. Язык – тоже оружие, а оружие должно быть острым.

– Так выходите замуж, – радостно предложил он, – и будете под защитой.

– Диего, – возмутилась я, – а вы сами согласились бы выйти замуж вот так, не видя вторую половину?

– Нет, конечно, – ответил он, но не успела я победно усмехнуться, добавил: – Но мне могут предложить жениться, и тогда я уж точно никуда не побегу. Жена лучше неизвестности.

– Не факт. Дожил же этот граф до тридцати семи лет неженатым. Должна же быть тому какая-то причина?

– Почему неженатым? Он не так давно овдовел, – бодро брякнул Диего.

– Овдовел? И сколько раз? – Я гадко приподняла бровь.

– Один. Графиня неудачно упала с лестницы.

И падала так до тех пор, пока наконец не упала удачно? Что-то мне этот граф нравится теперь еще меньше, чем когда я услышала о нем впервые. А ведь уже тогда ничего, кроме отвращения, он у меня не вызвал.

– Я не хочу неудачно падать с лестниц, – фыркнула капризно, – и удачно тоже.

– Да слухи это, что граф Нагейт бил жену, – неожиданно возмутился мой собеседник. – Она сама свалилась. Любила слишком высокие каблуки, запнулась и свернула шею. Нагейты часто к нам приезжали. Думаете, я бы не заметил синяков?

– Мужчины страдают избирательной слепотой, – отрезала я. – Вот если бы графиня избивала мужа, вы бы точно заметили.

– Думаете? – удивился Диего. – Вообще, мне кажется, он ее действительно побаивался.

Ну вот, оказывается, король пытался навязать мне трусливого мужа, не иначе как в надежде, что я его перевоспитаю. Но графиня уже доперевоспитывалась, мне эстафетную палочку после нее принимать не хочется.

Теперь Диего шел молча, наверное, переваривал внезапно изменившуюся картину мира, в которой не графы бьют графинь, а наоборот. А я наконец заметила подходящую лавку, на вывеске которой было изображено миленькое платье. Туда и устремилась. Отвлекающая внимание сфера исчезла, как только мы перешагнули порог магазинчика. Его владелица, хорошо

одетая женщина среднего возраста, с удивлением уставилась на нас. Очевидно, знатные дамы нечасто баловали ее визитами, на что указывала и развешанная одежда – простенькая, немаркая, как раз то, что мне было нужно.

– Сеньор, сеньорита, чем могу вам помочь? – неуверенно спросила хозяйка.

– Хочу обменять свое платье на какое-нибудь из ваших.

– Я не принимаю в уплату вещи, – неожиданно отказалась она. – К тому же за одно ваше платье можно купить все в моем магазине.

– Диего, а вы знаете ювелиров, которые принимают жемчуг в обмен на деньги? – со вздохом спросила спутника, давая ему возможность реабилитироваться в моих глазах.

– Знаю, но по очень невыгодному курсу.

– Тогда мы сейчас туда ходим и обменяем. А потом вернемся и купим здесь платье.

– Эстефания, если вам так хочется, я могу купить вам его в подарок, – галантно предложил Диего.

Память Эстефании молчала, но мне казалось, что герцогиням неприлично принимать платья в подарок, даже если они недорогие. В положенный набор презентов для девушки из хорошей семьи – цветы, конфеты, книги – одежда точно не входила.

– Если вы одолжите мне необходимую сумму, я буду вам очень признательна, – наконец решилась, – и отдам при первой возможности. Сразу, как продам жемчуг. У вас можно будет его отпороть? – спросила уже у хозяйки.

Она отмерла, уверила, что выдаст все, что я пожелаю, и засуетилась, притаскивая одно платье за другим. Выбрала я плотное темно-серое, посчитав, что в дороге будет самое то. Отправилась переодеваться с радостью, потому что хозяйка ослабила мне корсет и я смогла вздохнуть почти полной грудью. Это поспособствовало приливу крови, насыщенной кислородом, к мозгу, и я поняла, что мне нужен корсет, зашнуровывающийся спереди, поскольку в ближайшее время у меня будет недостаток горничных. Так что корсет я тоже заменила, немного попытев в попытках справиться с ним самостоятельно. А еще разобрала сложную прическу и переплела волосы в обычную косу, которая наконец прикрыла шею. После столь несложных действий я почувствовала себя почти счастливой – больше ничего не напоминало о том, что меня сегодня собирались обезглавить.

Когда я вышла из-за ширмы, Диего окинул меня восхищенным взглядом.

– Никогда бы не подумал, что вам может пойти этот ужасный цвет. Но вы кажетесь еще нежнее и беззащитней.

– С вашими комплиментами можно чай пить. Они с каждым разом все слаще и слаще.

А сам выдающий комплименты тип вызывал у меня все больше и больше подозрений. Он явно не случайно шлялся на задах гостиницы и теперь играет роль рыцаря, спасающего прекрасную даму из лап дракона. Но странно спасающего – путем уговоров вернуться к дракону, потому что так будет лучше для нее. Мол, съедят быстрее и безболезненней. Мутный тип. И прилипчивый.

– Один ваш вид вызывает у меня вдохновение.

– Сеньора, у вас найдутся еще одни ножницы для моего спутника? На него нахлынуло вдохновение, его нужно срочно на что-то использовать.

Она спохватилась и принесла из подсобки ножнички в количестве трех штук. Горка жемчужин на столе росла прямо на глазах, правда, в основном благодаря усилиям хозяйки лавки. Вдохновленный же Диего только тем и занимался, что сыпал комплиментами. Обезжемчуженное платье я все-таки оставила в лавке, взамен милая сеньора выдала тряпичный кошелек, больше напоминавший вышитый мешочек, куда я ссыпала драгоценные бусины. Кошелек получился увесистым и приятно оттягивал руку. И это я еще не обменяла его содержимое на деньги. Золотую вышивку трогать не стала: даже если в состав действительно входит золото,

в чем я очень засомневалась, оценив вес, то, пока мы будем ее отпаривать, меня найдут все заинтересованные лица.

– И куда вы теперь, Эстефания?

– Сначала к вашему ювелиру, а потом... – Я заметила, что сфера опять замерцала, указала на нее и спросила: – А не научите ли вы меня столь полезному заклинанию?

– Вы хотите, чтобы теперь уже мне отрубили голову? – неожиданно обиделся Диего.

– С чего вдруг вам ее отрубят?

– Боже, дорогая, откуда вы вылезли, если не знаете элементарных вещей?

– Мы с тетей жили очень уединенно. Что я, по-вашему, должна знать?

– То, что обучать магии могут только в университете Труадона. Всем, кто нарушает этот закон, грозит смертная казнь.

– За что? – выдохнула я пораженно.

– За распространение знаний среди тех, кто не принес присягу стране, – чуть удивленно ответил Диего. – Вы правда этого не знали?

Я помотала головой, из которой вытряслись размышления Эстефании по этому поводу.

– Меня не учили, но я думала, это потому, что женщинам магия не нужна. Серьезная магия, имею в виду.

– Ну почему же, в нашем университете есть и студентки. Из низов, разумеется, для них это неплохой шанс подняться, заработать и получить относительную независимость. Сейчас около десятка учатся.

– Какие глубокие познания о внутриуниверситетской жизни. С чего бы это? – протянула насмешливо.

– Меня в прошлом году привлекли преподавать в качестве наказания. Осталось еще два года. Вот, мучаюсь, можно сказать, денно и нощно. – Он издал душераздирающий вздох, но морда у него была хитрющая.

Не так уж он там и страдает. Скорее, зарабатывает новое наказание, пересчитывая вдоль и поперек учащихся сеньорит.

– И вы все равно не можете меня ничему обучить?

– Именно. Разрешено передавать бытовые и те заклинания, которые считаются семейным достоянием. Их обычно не светят, но вы ведь наверняка именно с помощью такого и прошли испытание артефактом Истины.

Его глаза жадно блеснули, выдавая настоящий интерес.

– Я прошла, потому что ничего никому не подливала. Не виновата я, понимаете?

Диего скептически хмыкнул, но сказать ничего не успел, потому что мы дошли до ювелира. Тот из зала провел нас в кабинет, где оценивал каждую жемчужину с лупой и артефактом, проверяя на подлинности и дефекты, а потом так же для каждой сообщал стоимость. Проверенные он ссыпал в ящик, взамен выкладывая на стол монеты. Солидные золотые, умеренно солидные серебряные и совсем мелкую бронзовую мелочь. Время от времени он пересортировывал монеты, меняя кучку серебряных на один золотой, а кучку медных – на один серебряный. Для меня оставалось загадкой, почему не произвести расчет в самом конце, когда будет известна итоговая сумма. Потом я подумала, что жемчужин много, а ювелир уже в возрасте, вот и не рассчитывает на собственную память. Конечно, был вариант, что ювелир сомневался в моих мозгах и способности удержать больше десяти чисел в уме, но такой вариант мне нравился куда меньше.

Наконец подсчет закончился, и в кошелек взамен жемчужин пересыпались деньги. Потяжелел он так, что я испугалась, не прорвется ли, и решила при первом же удобном случае вшить часть денег в одежду. Оставалось придумать, как отделаться от навязчивого сопровождающего, долг которому я выплатила сразу, получив на руки деньги. Нужно где-нибудь залечь на дно и решить, что делать дальше.

– Эстефания, а не подождете ли вы меня в зале буквально пару минут? Мне надо переговорить с сеньором. А вы пока можете полюбоваться на выставленные драгоценности. Вдруг что-то присмотрите себе.

– Обожаю украшения, – ответила я радостно, – особенно с бриллиантами.

– Стеллаж слева, – заинтересованно подсказал ювелир.

– Спасибо, сеньор, – заулыбалась.

И пошла. Сначала в зал, а оттуда – на улицу, где почти побежала куда глаза глядят. Если я сама не знаю, куда идти, отследить меня будет куда сложнее. Импровизация – страшная сила. Или красота? Неважно, у меня есть обе.

Глава 5

Несмотря на простое платье, внимание я привлекала: то и дело какой-нибудь нахал пытался познакомиться. Безуспешно пытался. Можно сказать, дорога, по которой я проходила, оставалась усыпана осколками разбитых сердец. Прежняя Эстефания от подобного навязчивого внимания была ограждена высоким статусом, для меня оно тоже оказалось неприятной неожиданностью, ведь сейчас мне необходима незаметность. Пришлось срочно придумывать, как спрятать красоту, и покупать чепец с большими полями, почти полностью закрывающий лицо. Шляпа с густой вуалью была бы надежнее, но, во-первых, она не подошла бы к простому платью, а во-вторых, я не только не заметила ни одной такой, но и в памяти образа не нашла. Благородные дамы, чтобы закрыть лица, использовали маски, и вот на них-то мастера отрывались по полной программе: расписывали различными узорами, прикрепляли перья, искусственные цветы, драгоценные камни или делали в виде стилизованных мордочек животных, преимущественно кошечек и лисичек. Такая маска больше привлекала внимание, чем скрывала свою владелицу, поэтому мне не подходила категорически. Впрочем, чепец со своей задачей справился идеально, снизив интерес к моей персоне до приемлемого минимума.

Пришлось еще потратиться на практичные башмачки, потому что туфельки, выданные горничной, подходили только для ровного пола или короткого путешествия из тюрьмы на плаху. При длительной ходьбе начинало казаться, что чувствую каждый, даже самый маленький, камешек на дороге – слишком тонкой была подошва.

По пути попалась недорогая одежная лавка, в ней я купила черное платье, чтобы наверняка сбить со следа приставучего Диего. Серое упаковала в саквояж, купленный рядом. Туда же отправились расческа, кусок мыла, пакет зубного порошка и зубная щетка. Можно сказать, малый набор путешественника. Осталось решить, в какую сторону путешествовать.

Дело осложнялось тем, что в доставшейся мне в полном объеме памяти Эстефании нужных сведений не нашлось, сколько я ни пыталась их откопать. Зато ненужной ерунды было море. Голова была забита всякой всячиной начиная от последней столичной моды и заканчивая вышивками с котятками. Зато сведений по географии было маловато. Точнее, по политическому раскладу в соседних странах. Я не сказала бы с уверенностью, куда могла бы убежать с тем, чтобы меня не выдали, или с тем, чтобы в результате не развязалась война, к примеру, с Варенцией, которая граничила с моим герцогством и с радостью приняла бы не только меня, но и мои земли, ведь при этом размер королевства увеличивался сразу в полтора раза, прилично сокращая владения родной Муриции. И что-то мне подсказывало, что Теодоро Блистательный будет резко против такого поворота, потому что блистать он привык на больших территориях. Чем обширнее территория, тем сильнее блеск правителя. При мыслях о короле я резко ощутила несправедливость бытия. Он-то наверняка сидит сейчас во дворце и наслаждается жизнью, а я бегу непонятно куда.

Вот побегу в Варенцию, а окажется, что Теодоро собрался жениться на их принцессе, тогда меня выдадут сразу, как только пересеку границу. И не факт, что Теодоро не решит исправить ошибку и не казнит меня уже за измену Родине. Эх, и почему не спросила, на ком он собрался жениться? В официальных источниках о помолвке не сообщалось, иначе Эстефания об этом знала бы. А вот слухи наверняка ходили. И сейчас мне нужен кто-то, разбирающийся в слухах и в политике.

Подруги отпадают. Их у Эстефании было несколько, но в политике они вряд ли разбирались, а дружба была довольно поверхностной, поэтому я бы ни одной не доверилась, да и искать меня там будут во вторую очередь. А в первую – в герцогском особняке. Но пока я шла, все больше удаляясь от центра, а значит, от мест, где меня почти наверняка ищут.

Слишком далеко на окраины забредать не стоило: там я могла расстаться не только с деньгами, но и с жизнью. В идеале снять бы комнату и переждать пару недель, внимательнейшим образом изучая газетные новости. Объявлений о сдаче жилья пока не попадалось, а спрашивать я не решалась: слишком нежный голос мог запомниться и выдать мое местонахождение.

На станцию дилижансов я вывернула совершенно случайно, но сразу поняла, что вот он, знак свыше.

– Дилижанс на Фрумону отправляется через пять минут! – зычно проорал почти мне в ухо подтянутый мужчина средних лет. – Осталось одно последнее место! Торопитесь.

Последнее место я заняла даже до того, как сообразила, что Фрумона – это город с монастырем, в котором обитает моя тетя – кладезь знаний и единственная оставшаяся в живых родственница. Конечно, она наверняка отметит несоответствие в поведении племянницы, но мне все равно рано или поздно придется с ней встретиться. Так почему не сейчас?

Дилижанс оказался забит важными дамами, едущими на фрумонские воды, лечебные свойства которых славились на всю страну. Пара мужчин просто терялась на фоне ярких широких юбок, забивавших все свободное пространство. Я в своем черном платье выглядела как сирота, недавно похоронившая близких родственников, и была совершенно незаметна в этом цветнике. Разумеется, если не сниму чепец. А его я снимать не собиралась.

Из Трудона мы выбрались быстро, нас никто не останавливал и не проверял. Но если бы вдруг какому-нибудь стражнику пришло в голову сюда заглянуть, его бы заговорили до смерти. Щебет стоял безостановочный. Обсуждали все: моду, рецепты, погоду, даже по моей казни пара сеньор вскользь прошла с сожалением, что зря сходили: самого интересного не показали. У меня от шума начала кружиться голова. Или от голода? С завтрака в гостинице времени прошло немало, а до этого меня насильственно держали на голодной диете.

До Фрумоны мы добирались остаток дня и всю ночь, с редкими остановками на станциях дилижансов, где пассажиры могли размяться и совершить ряд неотложных дел, пока перепрыгали лошадей. Я даже смогла наскоро поужинать, с наслаждением ощущая во рту вкус настоящей еды.

В дилижансе было полно времени для размышлений и страданий. Положение было неудобное – наверное, поэтому, если даже удавалось уснуть, сны приходили грустные: о подругах и родителях еще тех времен, когда был жив папа и я не связалась с Максом. Вот по нему сердце не болело совершенно. Отстрадала, пока лежала без движения и даже порыдаться не могла. С Максом было весело, но опасно, а еще, как выяснилось, ненадежно, так что больше никаких веселых Максиков, а замуж – как положено герцогиням, только по расчету. Рассчитаю все плюсы и минусы и, если плюсов окажется существенно больше, лично составлю брачный договор – и только тогда соглашусь. Вспомнилось, что брачный договор, переданный королем, я так и не изучила. Вдруг там были условия, лучше которых мне не придумать? Ничего, из корсажа бумага никуда не денется, остановлюсь в безопасном месте, прочту. Все равно выходить замуж за человека, который старше тебя более чем в два раза, неправильно даже по расчету. Кроме того, выходить замуж в платье для казни? Это даже не моветон, гораздо хуже. Уж король-то должен такие тонкости понимать. Впрочем, для того, чтобы что-то понимать, он слишком красив. Интересно, Блистательным его назвали за внешность или за другие заслуги? В памяти информация не нашлась.

Утром из дилижанса я вылезла злая и невыспавшаяся. Несмотря на ослабленный корсет, казалось, ночь я провела в пыточном приспособлении. Да, чувствовать свое тело и владеть им прекрасно, но все должно быть в меру. Случайные попутчики выглядели не лучше: мятые, сонные и, к счастью, совершенно неразговорчивые.

Спрашивать, где монастырь, не пришлось – он был прекрасно виден из любой точки города, возвышаясь над ним как напоминание о неотвратимости возмездия за грехи. Остала-

лось только придумать, как туда попасть. Не могу же я прийти и сказать: «Здравствуйте, у вас моя тетя». «Здравствуйте, – ответят мне, – а вас как раз король искал. Вы у нас посидите, пока от него не приедут. У нас есть очень милая зарешеченная келья. Для особо важных гостей». Быть гостей монастыря не хотелось, особенно на таких условиях.

Но почему бы туда не прогуляться? Мало ли что придет в голову, когда она проветрится после поездки?

По дороге я купила лист писчей бумаги и карандаш на случай, если удастся передать записку. Это казалось маловероятным: не для того король отправил мою родственницу в монастырь, чтобы она вела неподконтрольную обширную переписку. Но если появится возможность, я должна быть к ней готова. Я даже пару строк набросала, любуясь изяществом букв, которые рука выводила вне моего желания. В прежней жизни я никогда не достигала такого уровня каллиграфии.

Почти все мои спутники тоже двигались к монастырю, и я вспомнила, что там для тех, кто приезжает на воды, есть гостевые комнаты. Но в своем нынешнем виде я на них претендовать не могла, а вот на то, чтобы заплатить монетку за вход и испить пару стаканов исцеляющей воды, – вполне. А на месте осмотрюсь и решу, что делать.

Я пристроилась в хвост процессии, чтобы посторонние посчитали, что я чья-то горничная, и не обратили на меня пристального внимания. Чепец оказался очень удачным приобретением, снизившим мою привлекательность настолько сильно, насколько это было возможно при стройной девичьей фигурке. Но был он при этом очень неудобным и прилично мешающим обзору.

Стоящая на входе монахиня зорко следила, чтобы никто не проскользнул без оплаты. Каждого, кто вносил хоть самую мелкую монетку, она одаряла улыбкой и благословением. Удостоилась их и я.

Проход был только один, но в конце коридор разветвлялся. Указатели на стенах сообщали, что к источнику идти направо, а к гостевым помещениям – налево. В этом месте я окончательно рассталась со своими спутниками по дилижансу, которые даже не заметили потери в моем лице.

У источника никого не было, кроме еще одной монахини, которая откровенно скучала, поэтому взялась рассказывать мне длинную красочную легенду о святой Лурдес, покровительнице монастыря. Я слушала, выразительно ахала в нужных местах и размышляла, не слишком ли будет подозрительно, начни я узнавать про тетю.

Но узнавать не пришлось: графиня Хаго появилась у источника сама. Двигалась она без сопровождающих, но это не мешало ей ступать величаво, словно королеве. Черное кружевное платье контрастировало со светлыми волосами, в которых практически не было седины. Учитывая тетин возраст – 62 года, можно было предположить, что это скорее результат магии, чем естественный цвет. На лице почти не было заметно морщинок, а уж глаза глубокого серого цвета с длинными черными ресницами могли принадлежать куда более юной особе.

Сориентировалась я тут же.

– Ваше сиятельство, не нужна ли вам горничная?

Она вздрогнула и уставилась на меня с величайшим изумлением. Пришлось чуть приподнять оборки чепца, чтобы она уж точно убедилась, что это я.

– Дитя мое, неприлично приставать к доньям, – сурово сказала монахиня, попытавшись вклиниться между нами.

Убрав руки от чепца, я залепетала:

– Сестра, прошу меня извинить, но я нахожусь в ужасном положении. Я сирота, и денег у меня осталось совсем немного.

– Не будьте столь жестоки к девочке, сестра, – медово пропела тетя. – Я переговорю с ней. Мне на самом деле нужна горничная. Возможно, она подойдет. Что ты умеешь?

– Все, что будет угодно вашему сиятельству. Я могу шить, готовить, убирать, бегать по вашим поручениям...

– Умеешь ли ты писать и читать?

– Да, но не очень хорошо.

– Пойдем со мной. Я проверю, правду ли ты говоришь. Неграмотная горничная мне не нужна.

Она развернулась, даже не дойдя до источника, и так же величаво поплыла назад. Осанка была такая, что усомниться в высоком положении дамы было невозможно.

Чувства, что меня увлекают в ловушку, не было. Да и сама графиня выглядела не узницей, а скорее отдыхающей в хорошем санатории на свежем воздухе. Отведенное ей помещение вполне укладывалось в это предположение: несколько комнат, в их числе гостиная, кабинет и спальня.

Тетя провела меня в кабинет.

– Рассказывай, – сразу бросила она, как только я закрыла дверь и с наслаждением стащила опостылевший чепец с головы. – Что это за маскарад?

– Пришлось бежать, потому что его величество решил меня срочно выдать за графа Нагейта.

– То есть он помиловал тебя с условием? – гневно фыркнула она. – Так и знала! Я сказала, что как твоя опекунша никогда не соглашусь на этот брак, поэтому меня сослали, а тебя обманули, как глупую деревенщину. Зачем ты просила аудиенции у короля?

– Надеялась, что он тебя помилует.

Обращение на ты казалось и естественным, и совершенно невозможным. Эта женщина вызывала уважение и была одновременно близка мне и совершенно чужда. Мое сознание перемешивалось со знаниями и ощущениями Эстефании, и я не всегда могла понять, что мое, а что чужое. Жизнь до аварии уже казалась чем-то вроде потускневшего кино, а жизнь здесь – яркой и настоящей. Моей.

– Теодоро и без того не стал бы меня тут долго держать, ты просто облегчила ему выполнение плана. Боже мой, Эстефания, столько трудов – и все прахом из-за того, что ты решила поступить как тебе захотелось. Вот и получай в мужья Нагейта.

По воспоминаниям Эстефания была уверена, что тетя ее любит, но сейчас я видела перед собой женщину, для которой разрушение планов оказалось куда важнее судьбы племянницы.

– Как я могу избежать брака?

– Никак. Герцоги Эрилейские всегда держат слово.

– Но я не соглашалась на брак.

– Тогда почему Теодоро тебя помиловал? – Она побледнела. – Что такого ты ему сказала? Или пообещала?

– Я потребовала проверку на кристалле Истины, и он посчитал меня невиновной.

Она недоверчиво прищурилась.

– Как это возможно? Ты сама призналась.

Да, Эстефания действительно сделала такую глупость – призналась во всем сразу после задержания, облегчив жизнь не только придворному магу, но и, как только что выяснилось, королю.

– И тем не менее я ничего не подливала королю Теодоро Второму.

Она задумалась. Ненадолго. Взгляды при этом бросала на меня такие, что я понадеялась, что она догадалась об обмене. Обманывать ее я изначально не хотела, яснее намекнуть не позволяла клятва, но и того, что я сказала, должно быть достаточно тому, кто лично передавал фамильные знания племяннице. Но если графиня Хаго и догадалась, то решила оставить это при себе. В ее поведении ровным счетом ничего не изменилось.

– Не знаешь, бумаги уже подписаны королем?

Я спохватилась и вытащила из-за корсажа изрядно помятый и потертый брачный контракт. Графиня развернула и начала читать, с каждым мгновением распаляясь все сильнее.

– Это переходит всяческие границы, – наконец раздраженно выдала она. – Нет, я понимаю, почему Теодоро настаивает на этих пунктах, но это оскорбление памяти твоего отца. Брака с Нагейтом на таких условиях я не допущу. Пока не знаю как, но не допущу. Тебя нужно срочно спрятать. Не здесь. Здесь вонючка Бласкес быстро тебя найдет.

От воспоминаний о мерзком придворном маге меня передернуло.

– Почему он не моется? Это какой-то обет?

– Почему не моется? – Тетя удивленно посмотрела на меня. – Он воняет из-за магии. Слишком часто использует.

Сообщение было шокирующим. Если у меня и бродили в голове мысли поступить в университет, то сейчас они благополучно ее покинули. Никакая магия не стоит того, что от тебя начнут шарахаться даже привычные к тяжелым амбре свиньи.

Глава 6

– Магия так воняет? – не удержалась я.

– Его – да. Эстефания, такое впечатление, что ты все забыла, – тетя подозрительно прищурилась, – задаешь странные детские вопросы.

«Потому что я – не она», – почти ответила я, но внезапно поняла, что рот раскрываю, а звуки из него не вылетают. А еще внезапно поняла то, о чем смогла сказать прямо:

– Мне кажется, у меня заблокировано почти все, касающееся магии.

Возможно, этого не следовало говорить, но тетя в любом случае потребует объяснений, почему я чего-то не знаю и не умею. Поняла ли она, что я другая Эстефания? Скорее всего. Но признаваться не стала. Возможно, это идет вразрез с ее планами? Смотрела она довольно странно, недовольно хмурилась, но посвящать меня в свои раздумья не торопилась.

Но если Эстефания смогла заблокировать перемещенной душе доступ к своим знаниям, то блок мог распространяться не только на магию. Не могло же у девушки в ее возрасте не быть каких-то влюбленностей, пусть и глубоко подавляемых? Если я чувствовала ее эмоции по отношению к королю, тете или Бласкесу, значит, и остальные должна была. Но та же Эсперанса воспринималась совершенно чужой. Нет, я знала, кто она, но ничего к ней не чувствовала. Значит, Эстефания закрыла что-то личное. А ведь я оставила свою память полностью беззащитной перед ней. Не такая уж она была наивная простушка, как оказалось. И не такая неумеха, как я решила, рассмотрев доставшийся набор заклинаний. Конечно, его вполне хватало дойти до эшафота, а на большее никто не рассчитывал. Но все изменилось, и мне этих знаний будет мало. И не только о магии. Хотелось бы быть уверенной, что король, говоря о запятнанной чести Эрилейских, был не прав. Или хотя бы очень преувеличивал.

– Думаешь, Бласкес приложил к этому руку? Впрочем, что это я? Конечно, Бласкес, больше некому, – забормотала тетя. – Блок должны были снять после оправдания, но почему-то этого не сделали. Наверняка Теодоро запретил.

– Его величество считает меня преступницей, – напомнила ей.

Вероятность того, что блок наложил Бласкес, существовала, но я не была в этом уверена так, как тетя, поскольку встреч с придворным магом в моей памяти нашлось мало. И он ничего со мной не делал. И даже если бы он заблокировал магию, при мне остались бы знания. Но знаний не было, то есть были, но какие-то жалкие разрозненные обрывки, словно Эстефания перед обменом торопливо сортировала: это уберем, а это оставим, оно укладывается в легенду и не позволит посчитать сделку обманом. Я и сейчас не была уверена, что она меня надула, поскольку, будь у меня возможность заблокировать ряд личных воспоминаний в том теле, я бы это тоже сделала. Эстефании они лишние, она своих наберет, а мне бы не хотелось, чтобы кто-то посторонний совал туда свой нос. Но что сделано, то сделано, будем надеяться, что бывшая герцогиня со всем уважением отнесется к моим тайнам и не будет в них заглядывать. Хотя я бы не отказалась знать ее тайны: иное незнание на ее уровне может стоить головы.

– Его величеству лишь бы кого-то обвинить, – отмахнулась тетя. – Ты вообще ничего не помнишь?

– Что-то помню, но странно, как если бы из детской головоломки вытащили и спрятали часть деталек. Большую часть.

И это касалось не только знаний по магии, но и воспоминаний. То, что не казалось странным при появлении в этом мире, поскольку странностей и без того хватало, сейчас вылезло на первый план.

– Плохо. – Тетя нахмурилась. – Нужно непременно снимать блок. Если он есть. Ну-ка.

С ее руки сорвалась голубая полупрозрачная лента и укутала мою голову.

– Действительно, блок. Не подумала бы, что Бласкес поставит такой некачественный и заметный. Выскажу «фи» его величеству при личной встрече. Не умеет он с достоинством проигрывать.

Словно в ответ на эти слова в дверь затарабанили, и тоненький голосок испуганно пропищал:

– Срочный посыльный от его величества Теодоро Второго.

Горничная толкнулась в дверь, но та была заперта. Тетя указала на снятый чепец, я торопливо натянула его, пряча лицо, после чего открыла дверь, стараясь выглядеть как можно незаметнее. Впрочем, для вошедшего незаметными были все, кроме него самого. Он был важен, толст и громогласен. Настолько громогласен, что, кажется, его слышали в самых дальних уголках монастыря, когда он сообщил:

– Его величество Теодоро Второй повелевает графине Хаго незамедлительно прибыть в Труадон.

В доказательство своих слов он протянул письмо, запечатанное чем-то похожим на сургуч, но, судя по облачку искорок вокруг, таковым не являющимся. Когда тетя сломала печать, та вспыхнула в воздухе и растаяла, словно дымок. Тетя вчиталась и чуть насмешливо протянула:

– Его величество так уверен, что я смогу решить эту проблему?

Письмо, словно только и ждало этого вопроса, истаяло, как только что это сделала печать.

– Вы сомневаетесь в распоряжениях нашего короля? – уточнил толстяк.

Уточнил с готовностью настрочить донос прямо сейчас, пока не забыл ни единого слова. Наверное, доносы хорошо оплачиваются, если посыльный хватается за любую возможность их написать. Конечно, нельзя исключить и того, что это ему просто нравится. Как говорится, сделал гадость – сердцу радость.

– Что вы, мой дорогой! Я сомневаюсь в себе, в собственных способностях. Его величество непогрешим, не зря же он именуется Блистательным.

Насмешка в ее словах почудилась не только мне, но и посыльному, очень уж ярко выраженное подозрение появилось на его лице, но формально придаться оказалось не к чему, поэтому он ограничился одними взглядами.

– Когда вы выезжаете?

– Разумеется, немедленно. Разве можно заставлять короля ждать? Могу вам выделить место в дорожном экипаже, сеньор.

– Спасибо, у меня свой, – оскорбленно вскинулся толстяк, наверняка рассчитывающий на обращение «дон». – И я хотел бы передохнуть пару часов, прежде чем возвращаться в Труадон.

Я бы тоже не отказалась передохнуть. После ночи, проведенной в дилижансе, чувствовала себя совершенно разбитой. Но что-то подсказывало, что собираться и ехать придется и мне. Точнее, только ехать, поскольку собирать мне было нечего. Жизнь по принципу «Все свое ношу с собой» временами очень удобна.

Впрочем, графиня сборами себя тоже не утруждала, поручив это дело прислуге. Сама же заперлась в кабинете, заявила, что король требует ее прибытия как раз по поводу моей пропажи, и сразу переключилась на Бласкеса, пытаясь выяснить, когда он мог поставить блок. Но воспоминания были чужими, а сама я ужасно хотела спать, поэтому ничего удовлетворяющего родственницу из памяти не вытащила. Возможно, способствовало этому и то, что я была почти уверена: если удастся снять блок и воспоминания вернутся в полном объеме, выяснится, что ставила его сама Эстефания.

– Ты очень рассеянна, Фани.

– Я не выпалась, хочу есть и принять ванну, – огрызнулась. – К тому же стало очевидным, что у меня в голове кто-то покопался, а я этого не помню. Так с чего мне быть собранной, тетя?

– С того, что это первейшая обязанность мага, – отрезала она. – А ты не просто маг, ты последняя представительница дома Эрилейских.

– А вы, тетя? – Вовремя вспомнила, что она была сестрой отца, не так давно овдовевшей. – Вы тоже представительница дома Эрилейских.

– Меня можно не брать в расчет, – отмахнулась она, – я сухая ветвь дерева. Тебе же суждено продолжить род.

Детей у четы Хаго не было, но почему, для меня было загадкой. В памяти объяснений опять не нашлось.

– Оттого, что я позеленею, род не продолжится. Даже магу нужно высыпаться и вовремя есть. И мыться тоже. Исключения в виде Бласкеса только подтверждают это правило.

Она рассмеялась.

– Такой ты мне нравишься куда больше, Фани, чем когда я тебя видела в последний раз. Если ты не забыла, у меня удобная карета, выступишь. И голодом я тебя морить не буду. А то и правда позеленеешь, какой с тебя тогда толк? Что касается мытья... – С ее руки сорвалась зеленая лента магии, и я почувствовала, как не только с тела уходят пот и грязь, но и платье расправляется, приобретая вид нового и аккуратно отглаженного. – Этого заклинания тоже не помнишь?

Я покрутила головой. Уж не знаю, чем руководствовалась в выборе оставляемых мне заклинаний бывшая хозяйка тела, но этого, вполне безобидного, среди них не было. Получается, просто надергала случайным образом, чтобы формально выполнить клятву? О клятвах я имела весьма смутное представление, в то же время Эстефания наверняка в них разбиралась.

– Научите? – спросила, памятуя, что бытовые и внутрисемейные заклинания можно передавать, не подвергая себя опасности очутиться на плахе.

– Нежелательно, – нахмурилась тетя. – Ты его знала. Когда блок снимут, а его обязаны снять, произойдет наложение, а это нехорошо. Все равно это заклинание часто на себе или другом использовать нельзя. Что ты помнишь?

Я перечислила, умолчав только о тех двух, которые точно были семейным достоянием: по переносу души и целительскому восстановлению тела. И то не потому, что хотела утаить, а потому, что они неожиданно подпали под клятву и сказать о них я не могла.

– Негусто, – подвела итог графиня. – Не переживай, дорогая. Все восстановим.

Возможно, возвращение в город, из которого я день назад убежала, было не самым разумным шагом. Но те сведения о местной действительности, которые у меня имелись, не способствовали выживанию без поддержки. Ни профессии, ни знаний, годных для заработка, не было. То, что знала и умела я, использовать в этом мире было проблематично: слишком далеки мы как по менталитету, так и по уровню технологий. Денег, вырученных с жемчуга, на какое-то время хватит. Но что потом? Строго говоря, вообще удивительно, что удалось выбраться, не вляпавшись ни в какие неприятности, за исключением Диего. Но и того удачно стряхнула с хвоста.

У графини Хаго я была единственной родственницей, так же, как и она была единственным близким человеком герцогини Эрилейской. Зла племяннице она, казалось, не желала и разбиралась в происходящем куда лучше меня. Правда, возникал вопрос, считать ли меня ее племянницей. И что важнее для графини Хаго, если она убедится в обмене, – узы крови или душа? Само заклинание тоже вызывало вопросы. Честно говоря, я не могла представить, для чего вообще было создавать подобное, да еще и без возможности отменить действие: не принимать же всерьез версию, что предки Эстефании готовили для нее побег за много столетий до оного. Да и какой смысл в таком побеге? В другой мир, без возможности отомстить подставившему?

Размышляла я об этих странностях недолго. Карета с гербом Хаго действительно оказалась куда комфортней дилижанса, в котором я добиралась до Фрумоны. Она была солидных

габаритов, с двумя мягкими диванчиками, на одном из которых устроилась я, а на втором – тетя. Горничную она безжалостно выставила на козлы к кучеру. Но, как мне показалось, девушка этому только порадовалась: день был солнечный, не очень жаркий, но и не прохладный, а кучер – моложавый и симпатичный.

Карета мерно колыхалась, и я ожидаемо уснула, добирая то, что не добрала ночью. Сон был странный: я искала и находила крошечные обрывки нитей, связывала их, досадуя, что часть безвозвратно потеряна. Но находились новые нитки, и я сматывала их в клубок. Почему-то это казалось необычайно важным, словно от этого зависела сама моя жизнь. Клубок становился все толще, более того, к тем нитям, что собирала я, приматывались другие, самых разных расцветок – от похоронно-черных до ярких цветных. Я их сматывала, сматывала, сматывала... Занятие, если подумать, совершенно дурацкое, я даже вязать не умела, так зачем мне клубок? Но проснулась я, столь живо ощущая тяжесть в руках, что даже удивилась, когда ничего не обнаружила.

Окончательно пришла в себя, когда мы уже подъезжали к Труадону, до этого я все делала, почти не просыпаясь, даже ела. А тут поняла, что спать больше не хочу и что мне срочно надо умыться и причесаться. И если с первым пока было проблематично, то исполнить второе желание было в моих силах. Я расплела косу и начала водить гребнем по длинным шелковистым волосам.

– Коса – слишком простонародная прическа, – заметила тетя.

– Я и собираюсь играть роль горничной.

– Для горничной она тоже слишком простонародная. Косы характерны для сельских жительниц.

– Ничего, поработаю на вас, пообтешусь, не буду больше напоминать деревенщину.

Она рассмеялась, но смех тут же застыл у нее на губах, потому что дверца движущейся кареты распахнулась и в нее как к себе домой ввалился его величество Теодоро Второй.

Глава 7

Я смотрела на его величество и чувствовала себя кошкой. Не той, кто может смотреть на короля, а той, перед чьей мордой поставили миску со сметаной, но на таком расстоянии, что можно только нюхать, а дотянуться нельзя. Нет, теоретически можно было дотянуться и попробовать, но расплата за это следовала незамедлительно как разбитым сердцем, так и уничтоженной репутацией.

– Какая неожиданная встреча, – издевательски произнес Теодоро, прервав молчание. – Хотел побеседовать с графиней Хаго о том, где может скрываться ее племянница, а они оказались вместе. Удачно, не правда ли, доньи?

Он захлопнул дверцу и уселся на диванчик рядом со мной, причем бок о бок, так что его бедро оказалось вплотную к моему. Обращаться так с герцогинями, даже беглыми? Я возмущенно посмотрела на незваного спутника, но все его внимание было уделено нахмурившейся тете. Пришлось спастись самой, отодвинувшись к стенке. В отместку я продолжила расчесывать волосы. Конечно, это неуважение, но кто не уважает нас, не может рассчитывать на ответную почтительность.

– Заявляю протест, ваше величество, – вдохновенно сказала тетя. – Права моей племянницы были нарушены.

– Не гневите Двуетиного, донья, – усмехнулся король. – Вы лишены опекунов, поэтому я имею право распоряжаться будущим Эстефании.

– Не имеете, – неожиданно отрезала тетя.

– После того как она пыталась меня отравить? – Он повернулся ко мне, и гребень застыл в моих руках. – Неужели вы не поделились с тетей, что натворили?

– Я даже не успела поделиться с ней тем, что вы мне сделали непристойное предложение, – не удержалась, вызвав своими словами возмущенное аханье тети. Правда, осталось неясным, возмущалась она поведением короля или тем, что я об этом так спокойно упомянула. – Не успела я добраться до Фрумоны, как леди Хаго поступил приказ от вас явиться в столицу.

– У вас была целая дорога на рассказ.

– Я использовала ее куда правильней – выпалась. Дорога во Фрумону выдалась не из легких, знаете ли, ваше величество.

Гребень скользил по волосам, как легкая яхта по морю при попутном ветре. Разбираться с такой копной было непривычно, но я справлялась, получая даже некоторое удовольствие. В том числе эстетическое: волосы были нежные как шелк и отливали золотом.

– Вам не идет этот цвет, Эстефания, – неожиданно сказал король. – С чего вдруг вы вырядились во все черное, как ворона?

Поправлять его величество и сообщать, что ворона черная не полностью в отличие от ворона, я не стала. Вряд ли он умилился бы моим орнитологическим знаниям. Скорее, посчитал бы еще одним оскорблением короны.

– Это траур по моим погибшим надеждам.

– Надеяться красиво умереть на эшафоте? – рассмеялся он. – Другие ваши надежды пока не похоронены. Например, надежде на счастливый брак суждено сбыться совсем скоро.

Я скорчила гримаску, показывающую отношение к навязываемому жениху, и начала заплетать волосы. Пусть тетя считает это деревенской прической, но косу потом можно уложить на голове и закрепить шпильками, которые я предусмотрительно не стала продавать ювелиру.

– Ваше величество, – вмешалась в нашу милую беседу тетя, – вопрос слишком серьезный, чтобы к нему столь легко относиться. По какой причине блок с магии моей племянницы не был снят?

– А его ставили? – удивился король. – Кто?

– Не помню. У меня блок еще и на части памяти, – пожаловалась, – и это точно нарушение моих прав.

И неважно, кто их нарушил: мне нужна память этого тела, иначе я могу ошибиться до смерти – именно такие ставки наверху.

– Этим займется ваш будущий муж. Не переживайте.

Он положил руку на мою кисть, якобы желая успокоить. Или, напротив, желая заставить нервничать. Короли – существа непредсказуемые, играют по своим правилам, даже когда они такие красивые. Рука тоже была красивая. Не изнеженная, как у кабинетного деятеля, а ладонь человека, не чурающегося физических нагрузок – подушечки мозолей ощутимо царапнули мою нежную кожу. А еще царапнул перстень. Королевский, окутанный магической дымкой, не позволяющей разглядеть, что на нем изображено. Почему-то казалось, что я должна это знать, но при попытке вспомнить я словно упиралась в упругую стену, которая продавливалась с огромным трудом совсем на чуть-чуть, а потом отшвыривала назад, не позволяя заглянуть в сокровищницу памяти.

– Ваше величество, вы сейчас о том, у кого жены падают с лестниц, после чего исчезают все связанные с ними проблемы? – уточнила, выдергивая свою руку из-под его.

– Не выдумывайте, Эстефания. Он был женат только единожды, – чуть разочарованно сказал Теодоро.

Его кисть осталась лежать на моей ноге, успокаивающим жестом теперь это точно нельзя было посчитать. Конечно, между нами были еще несколько слоев ткани, и все-таки это был явный беспорядок, поэтому я потянула за королевскую манжету и переместила его руку на его же колено. Теодоро не сопротивлялся, сделал вид, что не происходит ничего особенного. Тетя отметила процесс перемещения чуть приподнявшейся бровью, но в наш разговор вмешиваться не торопилась.

– Мне кажется, одного брака ему достаточно, – заметила я несколько ехидно, – в его возрасте пора уже думать о возвышенном, о боге, а не о новых женах.

– В его возрасте? Вы о чем, Эстефания?

– Как о чем? Вы мне пытаетесь подсунуть дряхлого старца.

– Вы что-то путаете, графу Нагейту еще сорока нет.

– Вы считаете его юным, ваше величество? У него и зубов своих, скорее всего, не осталось, в таком-то почтенном возрасте.

Лицо Теодоро стало презадумчивым. Наверняка проверял языком наличие собственных зубов. Тетя уже с трудом сохраняла серьезный вид, хотя ей точно своих зубов стыдиться не следовало: насколько я успела заметить, все они были на месте и отличались ровным жемчужно-белым цветом. В юности она была необыкновенно хороша и сейчас была красива, пусть возраст уже наложил свой отпечаток. Возможно, ей еще посвящали сонеты какие-нибудь старые поклонники, но на дуэли за ее благосклонность вряд ли дрались.

– То есть, ваше величество, вы мне, герцогине Эрилейской, подсовываете жениха даже не второго, а третьего сорта и считаете, что не нарушаете мои права? – решила закрепить успех.

– Первый раз слышу о сортах женихов, – отмер Теодоро. – И что же относится к первому сорту?

– К первому? – От неожиданного вопроса я ненадолго задумалась. – Те, кто имеет ум, чувство юмора, высокое положение, хороший доход, молодость и красоту.

– А ко второму?

– Когда одного пункта из этого списка нет. Но давайте все-таки вернемся к вопросу утраченной памяти. Артефакт признал мою невиновность, а блок не сняли.

Теодоро предпочел притвориться, что не расслышал. Возможно, стоило намекнуть, что у него начинаются возрастные проблемы со слухом?

– Бласкес говорил, что вы в тюрьме проводили какой-то ритуал...

Королевская реплика очень заинтересовала тетю, которая уставилась на меня с явным вопросом.

– Тогда он должен был еще сказать, что у меня ничего не получилось.

– Почему же... Возможно, то, что артефакт признал вас невиновной, как раз результат этого ритуала.

Отчасти так, если считать, что он признавал невиновной графиню Эрилейскую, но это не отменяло факта, что я никого не травила и даже не заключала с Бласкесом никакого опасного договора. Но клятва связывала меня в точности, как предыдущую Эстефанию. Наверняка существовали способы ее обойти, но я их, увы, не знала.

– Артефакт признал меня невиновной, потому что я ничего вам не делала. Вам следует присмотреться к своему окружению. Если, разумеется, вас вообще кто-то травил, а не был устроен спектакль для того, чтобы на меня надавить.

– Надавить?

– Заставить выйти замуж за вашего престарелого графа.

– Что вы, милая Эстефания, – он весьма хищно усмехнулся, – если бы артефакт не признал вашу невиновность, вас бы казнили. Прощать покушения на королей нельзя. Даже таким красивым герцогиням.

Он улыбнулся, этак намекая, что его неприличное предложение остается в силе, но я, вовремя вспомнив, какая у меня сейчас подходящая внешность, сделала вид, что ничегошеньки не понимаю. Пошире распахнула и без того бездонные глаза и нежно пролепетала:

– Так и казните тех, кто покушается. Ваше величество.

Я постоянно забывала обращаться к нему по правилам, принятым в этом обществе. Полагая, я вообще вела себя не по ним, потому что и сейчас не отвела взгляд, а уставилась на Теодоро с вызовом, полностью выходя из образа нежной фиалки. Он же смотрел на меня с каким-то непонятым выражением. Взгляд не отводили ни он, ни я. Прервало нашу зрительную дуэль покашливание тети.

– Ваше величество, в одном моя племянница права: она не может выйти за какого-то графа, даже если он не так дряхл, как ей представляется.

Король отвлекся от меня, повернулся к моей родственнице и высокомерно процедил:

– Не какого-то, а приближенного ко мне. Я знаю, кого вы прочите ей в мужа, и не могу позволить, милая донья, чтобы вы продолжали интриговать за моей спиной. Пока ваша племянница не замужем, вы не успокоитесь.

Интересно, за кого собирается выдать меня графиня? Возможно, ее кандидатура еще хуже предложенной королем? То-то тетя так напряглась.

– Предположим, ваше величество, что графиня Хаго действительно интригует за вашей спиной, но почему за это должна расплачиваться я?

– Она же ваша тетя, милая Эстефания, и прекрасно знала, кто будет платить. Случившееся с семьей брата ее ничему не научило.

Похоже, речь шла о тайнах прошлого, к которым мне не дали доступа. Я повернулась к тете, но она была полнейшая невозмутимость, даже милая улыбка на лице наличествовала. Но тут мой взгляд случайно упал на ее руки, побелевшие от напряжения. Пальцы так сжимали веер, словно представляли вражескую шею. Уверена, та только хрустнула бы под нежными дамскими ручками. Стало интересно, кого она сейчас представляет. Кажется, нашего милого собеседника, который не испытывал ни малейших иллюзий в отношении нашей семьи.

– Ваше величество, но должна же быть альтернатива этому браку. Неужели герцогиня не может выбрать мужа самостоятельно?

– В вашем случае – нет, – коротко ответил он.

– Я вообще слишком молода, чтобы идти под венец.

– Это вам так кажется. Еще немного – и превратитесь в старую деву, на которую никто не позарится.

Я насмешливо улыбнулась. Уж на кого-кого, а на Эстефанию зариться будут еще лет двадцать как минимум, и это без учета герцогского титула, с учетом одного так вообще до самой смерти.

– Что ж, значит, такова моя судьба, – вздохнула с показной грустью. – Заведу с десятков кошек и буду о них заботиться. Так что там с моим блоком, ваше величество? Когда его снимут?

– Сначала узнаю у Бласкеса, почему он его поставил, – отрезал король и... испарился с диванчика.

Вот только что сидел рядом – и исчез, словно привиделся мне, словно до этого мига мы общались с королевской иллюзией. Но у иллюзий не бывает такого острого взгляда и уверенных рук, и они не оставляют после себя терпкий запах грейпфрута. Или оставляют?

– Ты себя выдаешь, – неожиданно сказала тетя. – Следует вести себя скромнее, уважительнее. Мир другой? – Я не смогла ни кивнуть, ни ответить. – Понимаю, клятвой связана.

– Вам все равно, кто я? – смогла спросить.

– Мне не все равно. – Она потеряла виски, словно у нее резко заболела голова. – Разумеется, ты другая. Я чувствую эту чуждость даже через идентичность оболочки. И те, кто постоянно с моей племянницей общался, это непременно заметят. Но она сделала свой выбор, сбежала. – Графиня помолчала и спросила совсем другим голосом, дрогнувшим от сдерживаемых эмоций: – О ней будет кому позаботиться?

– Будет, – ответила и неожиданно для себя разрыдалась, потому что пришло окончательное осознание, что на моем месте в моей жизни будет совсем другой человек, я больше никогда не увижу близких, а тут я одна-одинешенька, и опереться мне не на кого.

– Ну хватит, хватит. – Она наклонилась ко мне и положила руку на плечо. – А о тебе позабочусь я. Все будет хорошо, Фани. Все будет хорошо.

Глава 8

Тетя, а ее я ощущала именно так, осторожно меня расспрашивала, вытаскивая крупинцы информации о моем мире, но, увы, все попытки ответить натыкались на глухую стену невозможности что-то рассказать. Меня словно отрезало от прошлой жизни, и я в большей степени ощущала себя Эстефанией, чем Екатериной, а все, что было до перехода сюда, казалось странным сном, не соотносившимся с реальностью. И пусть я иногда оговаривалась, привнося обороты, не свойственные этим месту и времени, но слишком сильным оказалось влияние даже той части памяти, что была оставлена.

– Странное дело, ты не похожа на того, кто согласен добровольно расстаться с жизнью, – неожиданно заключила тетя, – а ведь обмен произошел наверняка на условиях твоей смерти. Ты не производишь впечатления нищей неудачливой особы, и тем не менее...

Сказать я ничего не могла, зато выразительно потянулась, помахала руками, покрутила головой. Этого хватило.

– Травма и вынужденная неподвижность? Тогда она должна справиться. Не скажу, что разговор с тобой успокоил меня относительно ее будущего, но изменить мы все равно ничего не можем. В любом случае сейчас ты – герцогиня Эрилейская со всеми прилагающимися обязанностями.

Про обязанности я не помнила ровным счетом ничего, поэтому поторопилась уточнить:

– А их много? С моей амнезией ни в чем нельзя быть уверенной. Не хотелось бы по незнанию совершить что-то предосудительное.

– Ой, дорогая, не переживай. Пока ты не достигла возраста совершеннолетия, ни за что ответственности не несешь.

– Поверила бы с радостью, если бы недавно не выяснилось, что вчера мне чуть не отрубили голову. По-настоящему.

– Теодоро пугал. – Тетя улыбнулась, но в глубине ее глаз таилось беспокойство. – Он не стал бы уничтожать по надуманному обвинению последнего носителя крови, потому что получил бы массу проблем в ближайшем будущем.

– Мне показалось, что он очень даже хотел это сделать, и невозможность отрубить мне голову на площади искренне его расстроила. Возможно, он рассчитывал на вас как на носителя крови?

Каждый Сиятельный род был важен для страны – на них зиждилась безопасность, поэтому уничтожить один из них было непозволительной роскошью. Сиятельных семейств оставалось не так много, чтобы это прошло незамеченным. С другой стороны, один кирпичик в стене не так много значил, если не был скреплен с остальными. Вынь его – стена не обрушится. А на его место можно поставить другой. Может, не такой сияющий, но крепкий и надежный.

– Я тоже не бессмертна. – Графиня опять улыбнулась и похлопала меня по руке. – Но имей в виду, если Теодоро решит, что проблемы, которые он получит потом, меньше проблем, которые он получает сейчас, его не остановит даже то, что ты ему нравишься.

– Нравлюсь? – позволила себе усомниться. – Он слишком блистательный, чтобы ему нравился кто-то, кроме него самого.

– Нравишься, нравишься. Со стороны это прекрасно видно. Мы подумаем, можно ли это как-то использовать. Но особо не обольщайся. То, что ты ему нравишься, не мешает избавиться от тебя, если начнешь слишком активно лезть в политику и играть против него. За покушение на короля казнили даже принцев крови, так что во избежание дальнейших провокаций постарайся держаться от дворца подальше, никаких визитов туда. Даже ради помощи мне, понятно?

– Разумеется, – с готовностью подтвердила. От короля я и сама собиралась держаться подальше. – В политику не полезу.

Не для того голова осталась при мне, чтобы красиво скатиться по помосту через какое-то время, радуя жаждущую зрелищ толпу. На моей шее она смотрится намного лучше.

– Не зарекайся, дорогая. В политику иногда приходится лезть вне своего желания, – отрезала тетя. – Плохо, что части памяти у тебя нет.

– Она есть, но заблокирована.

Графиня Хаго посмотрела на меня странно, словно ей не очень-то и хотелось, чтобы память вернулась. И в самом деле, пока чего-то не знаю, я куда лучше управляема.

– У меня есть перед кем-то обязательства? – уточнила.

– Обязательства? – Тетя приподняла брови, словно не поняла, что я имею в виду. – У тебя не может быть ни перед кем обязательств. Они могут быть только у меня как у твоей опекуни.

– У меня были какие-то сердечные склонности?

– Вот здесь я порадуюсь, что ты ничего не помнишь, – улыбнулась тетя. – Скажу прямо. Ты обязана выйти за того, кого назначит семья.

– То есть вы?

– То есть я. Но выбор – не моя прихоть, это желание твоего отца. Поэтому романы нежелательны, пока ты не выйдешь замуж. И никаких никому обещаний.

– А если я уже дала?

– Если ты дала и не помнишь, считай, что их нет. Фани, это слишком серьезный вопрос. Герцогиня не может выйти замуж за кого попало.

– Только не говорите, что я была влюблена в лакея.

– Что? Разумеется, нет, – она рассмеялась, – но и провинциальный барон тебе не подходит.

Значит, у меня все-таки случился роман с каким-то бароном, который тете кажется нежелательной партией. И этот роман Эстефания запихала в самый дальний уголок памяти и накрепко закрыла к нему доступ. А я понятия не имею, о ком речь. А если я с ним состояла в переписке? Или даже больше, чем в переписке?

– Возможно, он меня искренне любит?

– А еще больше он любит возможности, которые получил бы в браке, – холодно сказала тетя. – Эстефания, не разочаровывай меня. Если хочешь завести роман, заводи после свадьбы. Главное, чтобы детей рожала от мужа. Надеюсь, моя прямота тебя не шокировала?

– Нет.

Меня шокировала не прямота, а то, с какой легкостью тетя распоряжается жизнью племянницы. Ее забота начинала давить, поскольку это была забота человека отнюдь не любящего, а выполняющего свои обязанности, прописанные в должностной инструкции. Могу ли я избавиться от ее опеки? Вариант опеки монарха еще хуже: если не найдет, за что казнить, испортит репутацию напрочь.

– А часто проходят казни? – поинтересовалась, чтобы понять, насколько этот мир кроважен.

В памяти не находилось ничего, но ее, как выяснилось, мне немного ампутировали.

– Редко. Я и не припомню, когда была последняя. Суды нынче на каторгу предпочитают отправлять. В случае самых тяжелых преступлений – только клеймо и пожизненная каторга.

В голосе тети явственно прозвучало осуждение. Сразу видно, не поклонница новомодных веяний по отмене смертной казни. Разумеется, если это не касается ее лично.

Больше ни о чем расспросить не успела – мы приехали в особняк Эрилейских. О том, что тетя здесь тоже останавливалась по приезде в столицу, я помнила, но часть слуг была совершенно незнакома. Слишком хорошо вышколенные, чтобы броситься нам навстречу, но любопытные физиономии то там, то тут выглядывали из-за портьер и дверей.

Приветствовала нас только экономка, Алисия Риос. Плотная особа лет сорока пяти, с талией, обозначенной поясом под грудью. Круглое лицо сияло доброжелательной улыбкой, когда экономка выскочила встречать въезжающую карету, и мое появление рядом с тетей оказалось тем еще испытанием для этой достойной дамы.

– Двуетдиный, радость-то какая! Ваша светлость, ваше сиятельство, какое счастье видеть вас обеих в добром здравии. Мы уж не чаяли увидеть вас вдвоем.

Она всплеснула руками, и на лице ее появилась такая непритворная радость, что я поневоле почувствовала себя виноватой: экономку я помнила, но просто как некую картинку, и понятия не имела, как к ней относилась. Меня выручила тетя.

– Алисия, увы, наши проблемы на этом не закончились. Племянницу оправдали, но придворный маг косо поставил ей блок на знания о магии, и она утратила ряд воспоминаний. То есть может не помнить кого-то из слуг или чего-то случившегося. Его величество обещал решить этот вопрос, но он особа занятая, кто знает, как долго он будет решать без напоминания.

Прозвучал намек, что Теодоро вообще не станет этим заниматься. Подозреваю, что в этом случае она и напоминать не будет.

– Двуетдиный, вот горе-то. – Алисия прикрыла руками рот и смотрела на меня с состраданием. – Меня вы помните, ваша светлость?

– Я помню, кто вы, но только имя.

– Коли будет на то милость Двуетдино, память вернется. Где это видано, оправданного артефактом Истины продолжать мучить. Невиновна – и точка. Я сразу говорила: не может наша Эстефания кого-нибудь отравить. Ой, простите, ваша светлость.

Она опять зажала рот руками, но я понятия не имела, за что она извиняется, поэтому сказала:

– Ничего страшного не случилось, Алисия, и это главное.

– Алисия, распорядись об ужине. Мы пока отдохнем с дороги, – недовольно сказала тетя. Экономка поклонилась, показывая готовность к работе, но прежде, чем уйти, уточнила:

– Вы помните, где ваша спальня, ваша светлость?

– Да, спасибо.

С дорогой до спальни я справилась самостоятельно и вскоре очутилась в королевстве белого, розового и золотого. Очень симпатичная девичья спальня, из которой кукол убрали не так давно, заменив их томиком романтических стихов. На туалетном столике стоял букет с розовыми розами, а рядом с ним – сияющая Эсперанса.

– Ваша светлость, радость-то какая! Я так за вас молилась. И не только я.

Ее слова были намеком, возможно, на того самого барона, но я не помнила, насколько была с ней близка, чтобы делиться такими личными переживаниями. Нужно будет потом обыскать комнату: Эстефания не ожидала ареста, возможно, остался дневник или письма. Да, письма. Могла же она переписываться с неподходящим бароном? Втайне, разумеется, поскольку даже я понимала, что открыто это было бы неприлично.

– Эсперанса, я хочу принять ванну.

– Сию минуточку, ваша светлость.

Она метнулась за дверь, а я подошла к миленькому белоснежному бюро и выдвинула верхний ящик. Как я и думала – корреспонденция. Приглашения, приглашения, приглашения... Ни одного личного письма. Тонюсенькая пачка личных посланий нашлась во втором ящике, и были они от подруг. Просмотрела я два, и в них не было ровным счетом ничего интересного. Странно, но я почти не испытывала неловкости, что сую нос в чужую жизнь. В мою-то эта ушлая девица залезет по уши, а я здесь как слепой котенок тычусь, не зная, откуда прилетит. Да и жизнь эта теперь, как ни крути, моя.

– Ваша светлость, ванна готова, – отрапортовала Эсперанса. – Я ваши письма и дневник припрятала, вы же говорили, что не хотели бы, чтобы их кто-то посторонний читал. Сжечь их хотела после того... – Она помялась и закончила явно не так, как собиралась: – Я все принесу, как ванну примете.

Это известие порадовало куда больше приготовленной ванны, и благодарила я от всего сердца. Эсперанса смущалась, как девочка, и мешала мне раздеваться. Точнее, она была уверена, что помогает – герцогини не должны лично заниматься такой ерундой. Пришлось смириться, а то до купания я бы не добралась.

Только опустившись в пенную пышность, я ощутила, как устало тело, которое все это время ни на миг не расслаблялось. А теперь, гляжу, жизнь налаживается. Правда, тетя так и не призналась, какие у нее на меня планы, но, пока дело дойдет до их реализации, успею осмотреться и в случае чего даже удрать.

Эсперанса тем временем промывала волосы, досадуя, что за ними не следили в должной степени и они почти потеряли блеск. Но маска, которую она нанесет, вернет былую красоту. Помимо волос она нанесла маску и на лицо. Наверное, тоже для возвращения утраченной красоты.

– И ноготь сломали, ваша светлость, – укорила Эсперанса. – Подпилить надо.

Она ворковала надо мной, как над маленьким ребенком, а я чувствовала, что будто домой вернулась, так было тепло и уютно. Еще дневник прочту, и часть деталек встроится в пазл. Сейчас же хотелось просто отдохнуть.

– Про ужин не забыли, ваша светлость? – беспокоилась Эсперанса. – Нам же еще волосы высушить и уложить надо.

Пришлось вылезать из уютной пены. Горничная опять захлопотала, промокнула пушистым полотенцем и начала втирать легкую полупрозрачную суспензию в кожу, отчего та засияла. Волосы она сушила полотенцем с чем-то магическим, делала это привычными движениями, но я опять-таки ничего не помнила.

– Сейчас, ваша светлость, сбегая, – спохватилась Эсперанса и буквально через минуту принесла припрятанные дневник и письма.

При взгляде на них мне захотелось выругаться – Эстефания оказалась весьма предусмотрительной особой и защитила свои секреты магией, плотным коконом укутавшей ее тайну. Она-то знала, как к ней подобраться, а я была слишком урезанной версией прежней герцогини.

Но Эсперанса вручала мне свою ношу так торжественно, что я постаралась не показать ей разочарования и разразилась прочувственной речью, однако была прервана стуком в дверь. Не дожидаясь разрешения войти, в комнату заглянула рыжая веснушчатая девушка и пропищала, испуганно вытаращив глаза:

– Пришли его величество и придворный маг. Герцогиню просят спуститься немедленно.

Глава 9

Собиралась в лихорадочном темпе: небрежность в одежде герцогини для его величества будет меньшим оскорблением, чем длительное ожидание. Я пыталась придать волосам видимость прически, пока Эсперанса затягивала на мне корсет. Разделение обязанностей обычно приводит к ускорению выполнения задачи, но не когда ты делаешь то, чего никогда не делала, да еще и трясущимися руками.

– У вас было несколько вариантов экстренного создания причесок, – неожиданно напонила Эсперанса.

– Какие? – спросила я недоуменно.

– С помощью магии, – выразительно ответила горничная.

– Мне заблокировали часть знаний, видно, это попало туда.

– Двуетидный, как это? – Эсперанса стояла за спиной, но я почувствовала, что она замерла. – Вас же артефакт оправдал? Должны были снять блок.

– Наверное, для этого к нам и пожаловали его величество с придворным магом.

– А-а-а, – протянула она и с новым усердием принялась утягивать талию.

Наверное, чтобы ее ширина не помешала снятию блока.

Легкое кисейное платье легло поверх широченных нижних юбок, в волосы, которые я уложила абы как, Эсперанса пристроила одну из роз, стоявших в вазе. Прическа стала выглядеть просто, но элегантно. Я покосилась на баночки с декоративной косметикой и взяла блеск для губ.

– Не вздумайте сейчас применять. Губы покусайте, чтобы покраснели, – забеспокоилась горничная, – а то вы совсем бледненькая. Еще решат, что опасаетесь правосудия. И щеки непременно пощипать нужно, для румянца.

Дождавшись, пока я выполню указания, она вручила мне флакон с духами. Я его понюхала с подозрением – только удушающе сладкого шлейфа мне не хватало, но аромат оказался очень нежным, вполне подходящим Эстефании. Довершал образ веер из слоновой кости. К чему он при встрече с королем, я понятия не имела, но послушно взяла: надо так надо.

Выплывала из комнаты, сияя, как роза в моих волосах. Если бы от стараний Эсперансы зависело, признать ли меня невиновной, однозначно признали бы. Потому что, посмотрев на себя в зеркало, я пришла к выводу, что поверила бы себе, даже если бы лично видела, как готовлю и подливаю яд. Правда, рассчитывать на это не стоит: король – не я, он один раз уже приговорил Эстефанию, несмотря на ее наивный взгляд и пухлые губы. На редкость недоверчивый тип, его красивой физиономией не пробьешь. Он, поди, и сам себе не верит, когда в зеркало смотрится. Это мне собственная красота в новинку, а он за столько лет натренировался и на своей внешности, и на чужой.

Тетя, поджидавшая меня у дверей в гостиную, мой вид отметила одобрительной улыбкой. Вошли мы вместе и сразу приветствовали гостей реверансами.

– Присаживайтесь, доньи. Уго говорит, что не ставил блок, – бросил отрывисто Теодоро.

И вид у него был такой, словно опять подозревает во всех грехах. Причем на сей раз не только меня, но и графиню Хаго. Бласкес же скривился, словно вонял не он, а мы с тетей, и даже не привстал при нашем появлении, хотя по этикету должен был не просто встать, но и поклониться.

– Разумеется, не ставил, ваше величество. Сиятельные в таких случаях всегда начинают вопить о нарушении своих прав. А в данном случае и смысла не было. Что там могла сделать эта необученная ду... девушка.

Завершением его презрительной речи как раз больше подошла бы «дурочка», как он чуть не сказал. Но не блокировал магию он мне совсем не по тем причинам, о которых сейчас

распинался, – он точно рассчитывал, что я что-то устрою в тюрьме. Но что могла устроить нежная девочка, у которой и знаний с гулькин нос? Хотя... Это у меня с гулькин нос, а у моей предшественницы их было куда больше.

– И тем не менее блок стоит, – произнесла я холодно, стараясь не морщиться при общении с Бласкесом.

Очень уж неприятный тип, даже без учета его специфического амбре.

Сегодня он выглядел чище, даже волосы казались вымытыми, но вонь никуда не делась и заполняла гостиную. Казалось, что я тону в мерзком запахе, пропитываюсь насквозь и никогда от него не отделаюсь. Впрочем, когда он уходил из моей камеры, вонь пропала вместе с ним. Возможно, она иллюзорная? Но все равно старалась дышать через раз, чему очень способствовал туго затянутый корсет.

– Стоит, – подтвердил Теодоро, – я проверил. Так что сними, чтобы к нам претензий не было. Перед законом все должны быть равны.

– Оно и видно, – пробурчал Бласкес и направился ко мне.

Стоящий рядом, он оказался еще противнее, а уж когда поднял руки, собираясь что-то делать, я зажмурилась изо всех сил, иначе рисковала свалиться в обморок и уже не подняться: внизу концентрация тяжелых газов всегда больше, а бласкесовские газы были еще и ядовитыми.

И магию его я почувствовала словно ядовитую змею, скользившую по коже. Она вызывала омерзение и желание отшатнуться, но я выстояла, не шелохнувшись. Отошел от меня Бласкес сам, потому что через пару мгновений я услышала его голос уже в отдалении:

– И какие могут быть претензии к нам, ваше величество? Блок был поставлен самой герцогиней Эрилейской.

– Я ничего такого не помню. – Широко распахнув глаза, убедилась, что придворный маг действительно стоит рядом с королем, а у того наверняка заложен нос: слишком спокойно он реагировал на Бласкеса. – Не было этого.

– Похоже, ее светлость переобщалась с кавалером Дароком, – осклабился Бласкес. – Тот тоже любит повторять: «Если не помню, значит, не было». Только у него потеря памяти всегда случается после бурных возлияний. Неужели и красавица Эстефания в столь юном возрасте подвержена пороку пьянства?

– Прекратите паясничать, сеньор! – Я разозлилась. – Вы прекрасно знаете, что я говорю правду. Что у меня пропали не только знания по магии, но и часть воспоминаний.

И похоже, важная часть, если Эстефания решила ее припрятать.

– Фани, успокойся, – очень тихо сказала тетя. – Он тебя намеренно выводит из себя, чтобы скомпрометировать перед королем.

– Откуда мне знать, донья? Голова ваша, и что там творится, знаете только вы.

По моим ощущениям, там сейчас бегали тараканы, заламывая лапы и бросаясь на стенки с воплями: «Все пропало! Сейчас все обо всем догадаются!»

– Уго, а это не могло стать причиной того, что артефакт ее оправдал? – внезапно заинтересовался Теодоро. – Заменяла одни воспоминания другими, а нужные потом вызовет ключевой фразой, которую наверняка доверила кому-то из близких?

Его слова подарили мне призрачную надежду, что такую фразу может знать Эсперанса, которая посещала свою хозяйку в тюрьме. Очень призрачную, потому что если прежняя Эстефания не собиралась возвращаться, то и ключ от своей памяти она никому не стала бы давать.

– Нет, ваше величество, – с отвращением ответил Бласкес. Отвращение было направлено на меня, а не на собеседника. – Если бы артефакт можно было обмануть, наши ушлые аристократы уже давно поголовно ходили бы в невиновных за самые мерзкие преступления. Я не знаю, почему артефакт ее оправдал, но это не из-за блока.

– А потому, что невиновна, – поспешила напомнить, слишком уж подозрительно шурились королевские глаза.

Ему такое выражение совершенно не шло, и вообще, хмурый король – морщинистый раньше времени король. А порча королевской внешности – преступление перед короной.

– Это вы кому другому расскажите, ваша светлость, – ухмыльнулся Бласкес. – Мы с его величеством точно знаем, что именно вы подлили отраву.

– Тогда вы с его величеством должны точно знать, откуда я ее взяла и как смогла пронести во дворец. Хорошо охраняемый дворец. Между прочим, вами, сеньор, охраняемый.

Более прямо сказать не могла, следующая фраза с намеком на причастность придворного мага застряла во рту, не вырвавшись даже невнятным мычанием. Но Бласкес уже смотрел так, словно прикидывал, как будет меня убивать. Быстро, чтобы ничего больше не успела добавить, или медленно, чтобы получить удовольствие от самого процесса. Почему-то казалось, что ему нравится издеваться над жертвами.

– А хорошие вопросы задает наша герцогиня, Уго, – заметил король. – В самом деле, как она могла пронести яд во дворец?

Успех нужно было срочно развить. Или хотя бы закрепить.

– И главное, какой смысл мне вас травить, ваше величество? Это ни на шаг не приблизило бы освобождение тети.

– Значит, у вас была другая цель, – с ненавистью проскрипел Бласкес.

– Ваше величество, мне кажется, мы отошли от темы разговора, – осторожно вмешалась тетя. – Блок у моей племянницы появился после пребывания в королевской тюрьме. Значит, и снятие его обязаны обеспечить вы, ваше величество.

– Обязан? – Он гадко поднял правую бровь. – Даже в случае, если ваша племянница поставила его сама?

– Ваше величество, если она поставила его сама, то наверняка из-за угроз вашего придворного мага.

– Моих угроз, донья? Да я вообще к вашей племяннице не подходил! – зарычал Бласкес.

– Подходили, – вспомнила я, – последний раз – в ночь перед казнью. Проверяли что-то в камере. – Возможно, приходил и раньше, но это осталось в закрытой части памяти. – И да, издевался и угрожал.

– Уго? – Теодоро повернулся к нему.

Тот явно хотел сказать: «Да врет она все», но тогда бы солгал уже сам, поэтому предпочел ответить уклончиво:

– Ее светлости любое мое высказывание кажется хамским. Намеренно я ее не оскорблял.

– Тогда не могли бы вы снять блоки в порядке компенсации? – очень мягко спросила тетя.

– Компенсации за что? За неудавшееся отравление? – с вызовом спросил ее король.

– За попытку убийства, – мстительно ответила я вместо тети, – которую вы пытались выдать за справедливое правосудие. Хорошо, что есть артефакт Истины, не позволивший вашей задумке воплотиться в жизнь, и я осталась жива.

Судя по реакции Бласкеса, ему это, напротив, казалось очень плохим, что он не преминул высказать.

– Не все, что хорошо для вас, хорошо для государства.

Сидел он от меня далеко, поэтому я расхрабрилась.

– Вы что-то путаете, сеньор, – усмехнулась я, – государство – это не вы, государство – это он. – И невежливо указала веером на короля.

– Фани, ты забываешься, – шикнула на меня тетя, пребольно пихнув чем-то в бок.

– И он, пожалуй, рад, что вы, Эстефания, остались в живых, – расхохотался Теодоро. – Может, вы и виноваты, но очень забавны. Уго, сними блок.

– Не могу, ваше величество, – злорадно ответил тот. – Блок нестандартный, накладывался наверняка по методике Эрилейских, а там могут быть нюансы. Я, конечно, могу попробовать, но не гарантирую, что не выжгу ее светлости мозги. Так-то их особо и нет, но если совсем исчезнут, будет еще хуже.

Определенный резон в его словах был: связаться с этим скользким типом могла только полная дура, но терпеть оскорбления от него я не намерена. И, засияв вне своего желания, возмутилась:

– Ваше величество, вам не кажется, что ваш придворный маг заходит слишком далеко в оскорблении не самых последних людей государства?

– Я с ним непременно об этом поговорю, Эстефания, – ответил он и бросил на Бласкеса такой взгляд, что я уверилась: поговорит, и так поговорит, что от придворного мага пух и перья полетят.

– Прошу прощения за несдержанность, ваша светлость, – сразу извинился Бласкес. – Но снять ваш блок я в любом случае не смогу. И не только я. Собственно, я вижу четыре варианта развития событий.

– И какие же? – заинтересовался король.

– Вариант первый, – начал загибать пальцы Бласкес. – Герцогиня выясняет ключевую фразу, которую либо доверила кому-то, либо где-нибудь записала. Вариант второй: память прорывается сама. Такое бывает редко и только при сильных потрясениях. Вариант третий – она поступает в университет. Принятие присяги снимает все блоки с магии. Правда, память об остальном все равно не вернет. Ну и четвертый – герцогиня доживает с блоками до самой смерти. Других нет, если вы не хотите подвергать донью опасности остаться без мозгов.

Он сидел далеко, но посмотрел на меня так, что я ощутила его совсем рядом, глаза его – прямо напротив моих, и в них плескалось злорадство. Сам он наверняка предпочел бы вскипятить мне мозги и не бояться, что я его выдам, но был уверен, что от рискованного эксперимента мы откажемся. Как и в том, что первые три варианта не сработают. Веер в моей руке треснул и осыпался осколками. Я проводила его останки грустным взглядом: мы и познакомиться с ним как следует не успели, а он уже меня покинул.

– Мне очень жаль, доньи, но мы бессильны вам помочь. – В голосе короля слышалось искреннее огорчение. – Мы вас покидаем, но надеемся, что вы успешно решите эту проблему самостоятельно.

Он встал, явно собираясь уходить. Тетя подскочила, потянув и меня за рукав, словно я могла остаться невоспитанно сидящей на стуле, и ровным голосом произнесла:

– Благодарю вас за беспокойство о моей племяннице, ваше величество. Время ужина, не соблаговолите ли присоединиться к нам?

Я успела подумать, что в присутствии Бласкеса в меня ни кусочка не полезет, а если полезет, то сразу неэстетично вылезет. Зря тетя это предложила.

– Решили показать племяннице, как правильно травить королей? – ехидно уточнил Теодоро. – Если уж у нее не получилось, то вы не оплошаете? Нет, спасибо, мы поужинаем во дворце. Ах да, Эстефания, чуть не забыл. Мы тут реквизируем у графа Дарока ваш жемчуг. Не стоит оставлять в чужих руках такое опасное оружие.

И он протянул мне мешочек, по размеру точь-в-точь как тот, в который я укладывала споротые жемчужинки. Но этот кошелек был бархатным и с королевским гербом.

– Благодарю вас, ваше величество, за заботу.

Я склонилась в реверансе, а когда разогнулась, короля уже не было. Не было и придворного мага. Тот тоже исчез вместе со своим незабываемым ароматом.

Глава 10

Тетя протянула руку к мешочку, врученному мне королем:

– Что это?

У меня были подозрения, но они могли не соответствовать действительности, поэтому я сначала расширила горловину мешочка, заглянула внутрь, а уж потом ответила:

– Жемчужины с моего платья. Того, в котором была на эшафоте. Я их отпоролла и продала ювелиру.

– Ты отдала в чужие руки жемчуг, который долго носила и к которому недавно прикасалась? Эстефания, ты с ума сошла?

– Это просто жемчуг, – ответила я чуть удивленно. – Я перевела его в деньги, чтобы убежать от замужества. Кстати, вы заметили, что его величество больше не заговаривает о свадьбе?

– Это вовсе не значит, что он отказался от этой идеи, – сухо возразила тетя. – Не обольщайся, Эстефания, у него нет и быть не может никаких серьезных планов в отношении тебя. А поразвлекся с ним – уронить репутацию семьи.

– Я не собиралась с ним развлекаться. Лишь отметила, что он больше не заговаривает о моем замужестве.

Тетя устало потерла виски.

– Давай вернемся к жемчугу. Я понимаю, что знаний у тебя не осталось, поэтому скажу то, что знают даже маленькие дети: жемчуг – живой, он впитывает ауру носителя в отличие от других драгоценных камней. Продавать его можно, но предварительно он должен не меньше месяца пролежать в закрытой шкатулке. Если в следующий раз решишь избавиться от драгоценностей, продавай что угодно, кроме жемчуга.

Диего в моих глазах резко упал: этот наглый дон не только не предупредил об опасности, но еще и воспользовался моим положением, заполучив жемчуг со следами моей ауры, чтобы... Чтобы что?

– И для чего его можно использовать?

– О, применений масса. Можно навести поисковое заклинание, проклятие, любовь или ненависть. По ряду заклинаний это будет не столь эффективно, как с кровью или волосами, но есть и такие, где эффективность будет куда выше. Запомни, Фани, никогда никому не давай ничего своего. Вообще ничего. Да... Нужно что-то делать с твоей неграмотностью.

– Я прекрасно умею читать!

– Хотя это радует, но я про знание магии. Даже не представляю, как с этим разобраться.

– Почему Бласкес уверен, что я не пойду в университет?

– Потому что ты не пойдешь.

– Исчерпывающее объяснение, – фыркнула, – а можно поконкретней? Я не вижу причины, почему не могу пойти учиться, если уж осталась совершенно без знаний.

Недовольно нахмурившись, тетя снизошла до объяснений:

– Во-первых, девушки из Сиятельных семейств никогда не учатся в общественных заведениях. Герцогиня Эрилейская – и вдруг среди плебса?

– Создадим прецедент, станем ближе к народу, – предложила я бодро. – Если это единственный шанс снять блок, грех от него отказываться.

– Эстефания, это несерьезно. У тебя нет блока на магии, у тебя блок на памяти. Это разные вещи. Поступление в университет не вернет знания, но создаст проблемы.

– Какие?

Разговор тетю злил, но я не собиралась останавливаться: мне необходимо узнать об этом мире как можно больше. И чтобы душой не выглядеть, и чтобы не влипнуть во что-то серьезное.

– При поступлении в университет маг дает клятву верности королевской династии, – неохотно ответила тетя, – она сильно ограничивает возможности.

– Возможности интриговать?

– Разумеется. – Тетя рассмеялась красивым журчащим смехом. – Возможности мага такой клятвой не ограничить.

– Но если я не собираюсь интриговать, то...

– То это ничего не изменит. Есть договоренность о твоём браке, пока устная, но клятве она точно противоречит.

Припомнив карту, въевшуюся в мозги так, что никаким блоком не выведешь, я предположила:

– Речь о Варенции, не так ли?

Графиня Хаго в ужасе расширила глаза и зло прошипела:

– Эстефания, кто о таком говорит прямо? Здесь даже у стен есть уши.

– То есть вы делаете все, чтобы меня опять потащили на эшафот, – заключила я. – Драка за герцогство будет столь кровопролитной, что ее проще предотвратить, тихо меня умертвив. Или громко – это уж как получится.

Если бы я была королем и узнала, что у меня собираются оттяпать приличный кусок территории, то была бы резко против, так что желание Теодоро видеть меня без головы становилось понятным: так без головы оказывается только одна персона, которая головой в общем-то особо и не пользовалась, а иначе гибнет множество людей. Выбор очевидный, да, когда речь не идет о тебе. Но мне-то эти интриги вовсе не нужны.

– Мы – Сиятельные, и у нас есть неотъемлемые права, – сухо сказала тетя, – а его величество Теодоро склонен о них забывать. Кроме того, его величество виновен в смерти твоих родителей и брата. Ты хочешь ему все простить?

– Я не помню этого. И никого из них.

Тетя резко выдохнула и решила:

– Нам нужна сторонняя консультация знающего мага. Я этим займусь. К разговору вернемся после. – И стремительно вылетела из гостиной, только юбки прошелестели.

Я выходила куда медленнее. Мне было о чем подумать. Уготованная тетей роль ничуть не прельщала независимо от того, к кому в жены она собиралась меня пристроить. На первый взгляд университет давал нужную независимость, но это лишь на первый взгляд, поскольку в той же клятве могут быть подводные камни, о которых я даже не догадываюсь. Это не мой мир, и необдуманный поступок может стоить мне дороже, чем кажется.

Эсперанса встретила меня у дверей в мою комнату.

– Что-то вы грустно выглядите, ваша светлость, – проницательно заметила она. – Неужели не сняли?

– Утверждают, что блок поставила я сама.

Она ахнула, но это не помешало ей быстренько зайти за мной и прикрыть двери.

Я села на банкетку и уставилась в зеркало на свое отражение. Оно больше не казалось чужим и не вызвало такого восхищения, как поначалу. Насколько я поняла, красоту давала сама принадлежность к Сиятельным: пусть в воспоминаниях зияли дыры и я ни в чем не была уверена, но косвенно это подтверждалось внешностью тех высокородных, с кем я сталкивалась. Обычные же люди были... обычными. Кто-то симпатичный, кто-то не очень, но сияющего великолетия, от которого перехватывало дух, ни у кого не было. Вот и Эсперанса была приятной и надежной, но сказать о ней «красавица»?..

В зеркале мне были заметны любые изменения ее мимики, и вскоре стало понятно, что она что-то хочет сказать, но не решается прервать мои размышления. Я ее непременно выслушаю, но сначала выясню то, что мне нужно.

– Эсперанса, Бласкес сказал, что я могла закодировать снятие блока на некую фразу и доверить ее близкому человеку. Вспомни, не говорила ли я тебе чего-то на первый взгляд не слишком важного, но просила непременно запомнить?

Лицо горничной чуть дернулось, но ответила она ровно:

– Что вы, ваша светлость, мы не были столь близки, чтобы вы мне доверяли секреты.

Я повернулась и с удивлением посмотрела на нее:

– Разве? Эсперанса, мне казалось, что ты – мое главное доверенное лицо.

– И я вас не предаю, ваша светлость, – уверенно ответила она. – Но ничего личного вы мне никогда не доверяли.

– Но вдруг я сказала или сделала в тюрьме что-то странное? Что-то такое, что было совершенно на меня не похоже?

Она задумалась, забавно наморщив лоб. Наверное, вспоминала, о чем мы говорили во время ее коротких визитов в тюрьму.

– Разве что в последний день? – с явным сомнением наконец пробормотала она. – Вы вели себя не как обычно, но я решила, что из-за того, что вас вскоре...

Она не закончила фразу и осенила меня знаком Двуетного, который должен был спасти и сохранить тело и душу. Как-то со вторым он не особо справился, наверное, знак нерабочий...

– В последний день у меня уже были дыры в памяти, значит, если я и говорила что-то важное, то это было раньше.

Эсперанса огорченно шмыгнула носом.

– Нет, ваша светлость, ничего такого не припомню. Да разве ж вы доверили бы мне секреты Сиятельных? Только ровне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.